

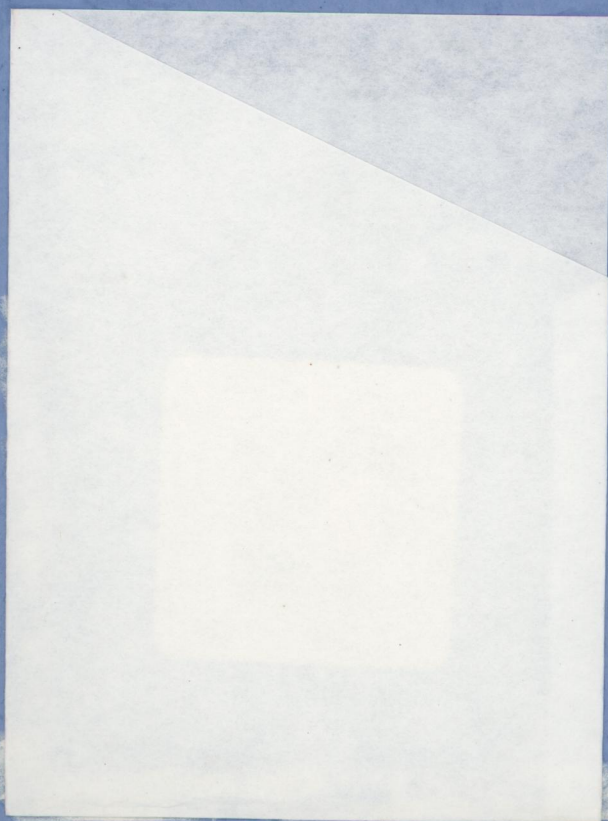
42153

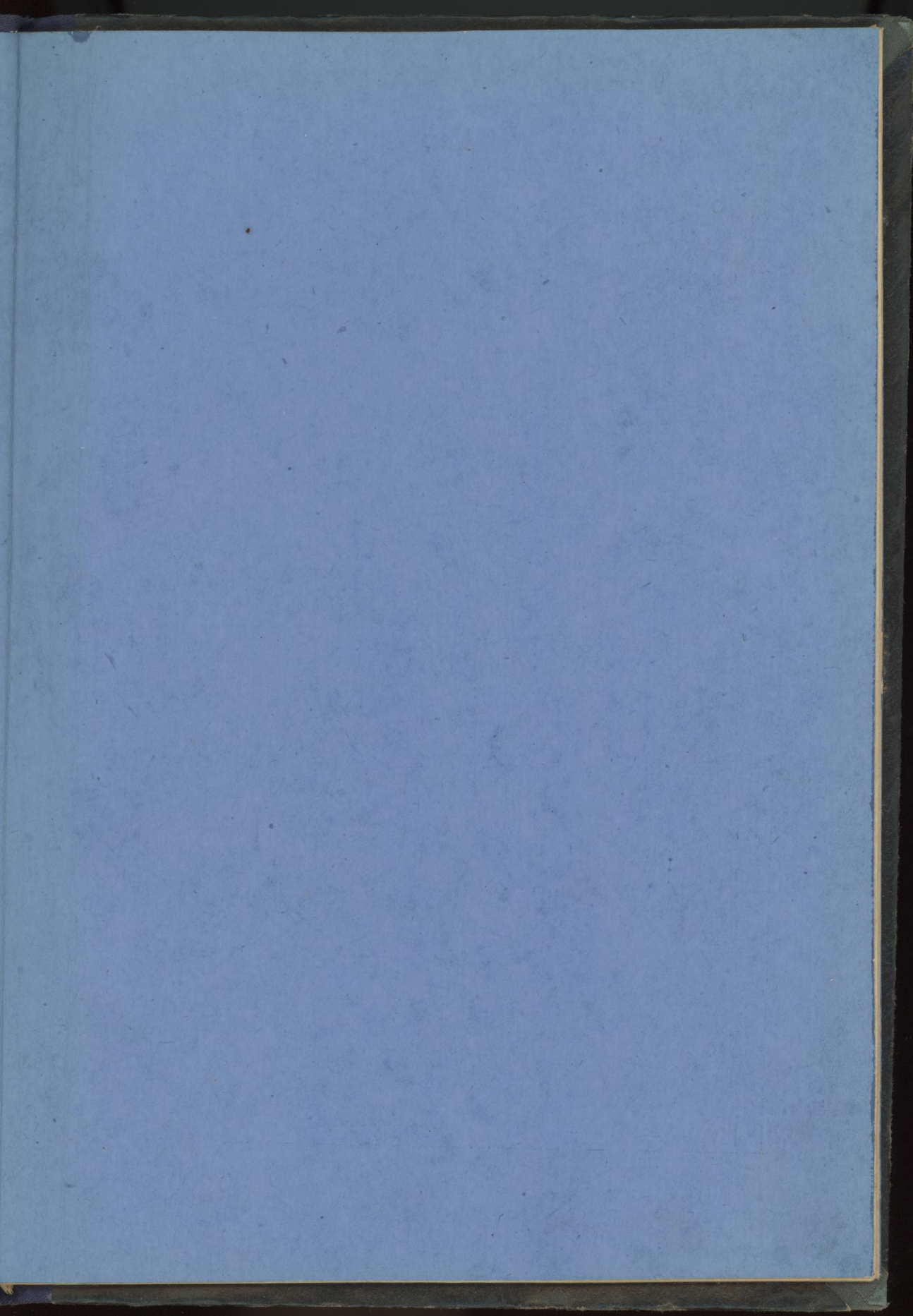
Рецензии гг. профессоров
на студенческие работы...

1897

12484(2)/111[6]

4448(4/441p) 108, 223

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2013р.

84 89 08 29

Модрез, А.

Рецензії гг. професоровъ на студенческія работы, представленные для соисканія наградъ.

I. По историко-филологическому факультету.

Отзывъ орд. проф. Н. Θ. Суяцова о студенческомъ сочиненіи, представленномъ для соисканія медали на тему: „О заговорахъ“.

Сочиненіе о заговорахъ подъ тремя обширными эпиграфами, взятыми изъ Тэйлора и Потебни, представленное для полученія медали на предложенную И. Ф. Ф. тему, состоитъ изъ 25-ти листовъ четкаго письма. Въ началѣ своего изслѣдованія авторъ ставитъ первой задачей опредѣленіе самого понятія о заговорахъ и начинается съ критики существующихъ уже опредѣленій. При разясненіи слабыхъ сторонъ данныхъ опредѣленій авторъ обнаруживаетъ большую проницательность, способность къ тонкому критическому анализу, при соблюденіи неизмѣнно уважительнаго отношенія къ тѣмъ авторамъ, мнѣнія которыхъ подвергаются критикѣ и осужденію. Вообще, спокойная сдержанность, логическая послѣдовательность и стройность мысли составляютъ крупныя достоинства разбираемаго сочиненія. Авторъ сначала подвергаетъ разбору мнѣнія Афанасьева и сходныя мнѣнія О. Миллера и отмѣчаетъ при этомъ односторонній идиллическій взглядъ этихъ ученыхъ на первобытнаго человѣка.

Послѣдовательно и основательно авторъ разбираетъ и опровергаетъ широко распространенное мнѣніе, будто молитва предшествуетъ заговору. Признавая за изслѣдованіемъ Крушевскаго о заговорахъ крупныя достоинства, авторъ далѣе отмѣчаетъ его слабыя стороны въ общихъ положеніяхъ и въ частности. Затѣмъ авторъ указываетъ на ошибочныя опредѣленія Прфирьева и А. Веселовскаго. Онъ склоняется къ опредѣленію, данному Потебней, причемъ указываетъ, что и у Потебни есть два различныя опредѣленія, раннее, въ духѣ Афанасьева, и позднее, вполне оригинальное и, по мнѣнію автора, лучше другихъ опредѣляющее природу заговора, но и въ это лучшее опредѣленіе авторъ вноситъ одну, по его мнѣнію, существенно необходимую поправку (84).

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА

42153

Далѣ критическій анализъ автора распространяется на мнѣнія о фетишизмѣ, колдовствѣ и заговорахъ Леббока и Спенсера, причемъ, сравнивая два сходныхъ мнѣнія по этому поводу Леббока и Вундта, авторъ склоняется на сторону послѣдняго ученаго. Въ одномъ мѣстѣ авторъ отмѣчаетъ недостаточно обоснованное толкованіе наговоровъ и заклятій въ „Эпиграфич. этюдахъ“ проф. Помяловскаго. Послѣ критики существующихъ мнѣній о колдовствѣ и заговорахъ, занимающей почти половину изслѣдованія, авторъ переходитъ къ главной положительной части своего труда и путемъ послѣдовательныхъ разсужденій, съ надлежащими фактическими подкрѣпленіями, доказываетъ, что заговоръ произошелъ отъ чары, другими словами, явился словеснымъ выраженіемъ того дѣйствія, которое совершается чарой, и цѣли, съ которой чара совершается. Въ основѣ заговора лежитъ древнее вѣрованіе, что названіе предмета тождественно предмету или слово есть самая вещь. Самой характерной и существенной стороной заговора представляется сравненіе въ словахъ или даже лишь въ мысли говорящаго. Заговоръ и чары, по мнѣнію автора, помѣнялись ролями. Заговоръ изъ служебнаго положенія, съ развитіемъ языка и поэзіи, занялъ господствующее положеніе—мнѣніе остроумное и оригинальное. И въ положительной части изслѣдованія мѣстами обнаруживается наклонность автора къ критикѣ; такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ указываетъ на одностороннее и поспѣшное мнѣніе проф. В. О. Миллера въ статьѣ объ Ассирійскихъ заклинаніяхъ въ Рус. Мысли 1896 г. Проф. Миллеръ склоненъ усматривать въ русскихъ заговорахъ вліяніе ассирійскихъ и халдійскихъ заклинаній. Авторъ находитъ, что ассирійскіе заклинанія носятъ уже слѣды литературной обработки и что въ славянскихъ заговорахъ обнаруживаются такія черты древности, какихъ нѣтъ въ ассирійскихъ заклинаніяхъ. Вообще, весь разборъ мѣткій и остроумный. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ главныя черты заговоровъ—сравненіе, двучленность, вступленія, закрѣпленія, обращенія, повторенія. При этомъ отмѣчена возможность историческихъ градацій и усиленій. Въ концѣ изслѣдованія авторъ останавливается на замѣченныхъ имъ новѣйшихъ измѣненіяхъ въ заговорахъ, подъ вліяніемъ успѣховъ образованности. Іо-гдѣ можно не соглашаться съ авторомъ, напр. съ его рѣзкимъ разграниченіемъ, что молитвой надѣются достигнутьжелаемаго, а заговоромъ увѣрены въ достиженіи (165), мѣстами можно желать большей фактической подробности, напр. въ еле затронутыхъ авторомъ обращеніяхъ, но, при всемъ томъ, нельзя не признать въ настоящемъ сочиненіи хорошаго научнаго труда, свидѣтельствующаго о совершенно возмужалой критической и проницательной мысли, что выражается и въ прекрасномъ внѣшнемъ изло-

женіи, логически стройномъ и послѣдовательномъ. Авторъ обнаружилъ значительную начитанность и большое умѣніе въ пользованіи пособіями.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я полагаю вполне справедливымъ наградить автора золотой медалью и желалъ бы увидѣть его трудъ въ печати, будучи увѣренъ, что разбираемое изслѣдованіе удовлетворяетъ давно уже назрѣвшей потребности научнаго теоретическаго изслѣдованія о происхожденіи, внутреннемъ составѣ и значеніи заговора вообще.

Орд. проф. Н. Сумцовъ.

Отзывъ экстра-ординарнаго профессора М. Е. Халанскаго о сочиненіи подъ девизомъ *Ne quid nimis!* на тему „О языкѣ Ипатьевской лѣтописи“, представленномъ для соисканія медали.

Задачу своей работы авторъ опредѣляетъ такъ: „моей задачей... будетъ: 1) указать фонетическія и морфологическія особенности языка этого памятника, по возможности, полнѣе и сравнительно съ данными языка другихъ памятниковъ, близкихъ къ изучаемому, 2) опредѣлить время, въ которое въ послѣдній разъ былъ онъ переписанъ“ (стр. 3). Сообразно съ этимъ авторъ разсматриваетъ сначала звуковыя особенности Ипатьевской лѣтописи, а потомъ морфологическія. Такъ какъ авторъ пользовался, кромѣ печатнаго 2-го изданія Ипатьевской лѣтописи, еще фотолитографическимъ изданіемъ первой части этой лѣтописи, содержащей Начальную лѣтопись, то обзору языка памятника онъ предпослалъ палеографическое описаніе этой первой части лѣтописи.

Въ обзорѣ палеографическихъ особенностей 1-ой части Ипатьевской лѣтописи авторъ основательно отмѣчаетъ незамѣченную издателями наличность двухъ почерковъ въ спискѣ Начальной лѣтописи.

Изложеніе звуковыхъ особенностей памятника авторъ начинаетъ съ обзорѣи употребленія *ъ* и *ь*. Въ этомъ довольно полномъ и обстоятельномъ отдѣлѣ своего сочиненія (стр. 9—38) авторъ сначала разсматриваетъ тѣ случаи употребленія *ъ* и *ь*, которые объясняются графическими приѣмами, а потомъ тѣ, которые вызваны причинами фонетическими, именно: опущеніе *ъ* и *ь*, вставка ихъ, сохраненіе на прежнихъ мѣстахъ внутри словъ, замѣна ихъ черезъ *о* и *е* и обратное употребленіе *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е*.

Отъ стр. 38 до 52 авторъ разсматриваетъ употребленіе буквы *и* и смѣшеніе ея съ *е*, *я* и *и*.

На стр. 52—74 разсматриваются случаи замѣны *и* черезъ *е*, перехода *е* въ *о* и *а*, употребленія *а* въ иностранныхъ словахъ и перехода

а въ о, перехода ы въ и, полногласія, мѣны у и в, сокращенія и въ ѣ и ъ, опущенія и приставки гласныхъ.

Страницы отъ 74 до 92 посвящены разсмотрѣнію явленій въ области согласныхъ; здѣсь разсмотрѣны гортанные, шипящіе и ц, зубные, губные, плавные, явленія ассимиляціи, вставки и приставки согласныхъ.

Отдѣлъ сочиненія, посвященный морфологическимъ особенностямъ языка Ипатьевской лѣтописи (95—137), содержитъ обзорѣніе формъ имени и глагола: падежей (по числамъ) именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и числительныхъ, временъ, наклоненій и причастій.

Въ заключеніи авторъ, обобщая свои наблюденія надъ языкомъ Ипатьевской лѣтописи, высказываетъ соображенія о времени и мѣстѣ, къ которому относится послѣдняя переписка этого сборника. Въ присутствіи діалектическихъ сѣверно-и южно-русскихъ чертъ въ языкѣ Ипатьевской лѣтописи авторъ, согласно съ Потебней, Колосовымъ и Соболевскимъ, видитъ доказательство того, что этотъ сборникъ, будучи составленъ первоначально на югѣ, былъ не одинъ разъ переписанъ на сѣверѣ. По вопросу о времени, когда въ послѣдній разъ былъ переписанъ Ипатьевскій лѣтописный сводъ, авторъ высказывается въ пользу мнѣнія о одновременности его переписки. По его мнѣнію, первая часть лѣтописи (почерки 1-ый и 2-ой) писана значительно раньше двухъ другихъ. Авторъ могъ бы опредѣленнѣе и рѣшительнѣе высказаться по этому вопросу, если бы въ свое время познакомился съ книгой г. Лихачева „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ Государствѣ“ Спб. 1891 г., гдѣ находится такое рѣшеніе его: „исслѣдованіе бумаги лѣтописи ясно доказываетъ справедливость мнѣнія С. Н. Палаузова относительно одновременности разныхъ почерковъ Ипатьевского списка. Бумага его одинаковая съ начала до конца, несомнѣнно приобрѣтена вся заразъ“... „Комплексъ водяныхъ знаковъ, находящихся въ Ипатьевской лѣтописи, позволяетъ съ увѣренностью высказать убѣжденіе, что этотъ списокъ написанъ на французской бумагѣ около 1425 г.“ (стр. 53 назв. соч. Лихачева).

Авторъ разсматриваемаго сочиненія основательно прочелъ и изучилъ памятникъ, старательно выбралъ и удачно сгруппировалъ фонетическія и морфологическія особенности его языка и далъ разнымъ отмѣченныхъ имъ явленіямъ соотвѣтствующее объясненіе, согласное съ тѣми взглядами на разныя грамматическія явленія русскаго языка, которые высказывались въ научной литературѣ, ему, какъ видно, извѣстной довольно хорошо. Въ виду всего сказаннаго я нахожу сочиненіе „О языкѣ Ипатьевской лѣтописи“ подъ девизомъ *Ne quid nimis!* заслуживающимъ полнаго одобренія. Проф. М. Халанскій.

Отзывъ приватъ-доцента А. С. Вязигина о сочиненіи, представленномъ для соисканія медали, на тему по всеобщей исторіи: „Сравненіе міросозерцанія лѣтописей Алтаихской и Русской“.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Что посѣешь, то пожнешь“, написанное на тему „Сравненіе міросозерцанія алтаихской и русской лѣтописей“, состоитъ изъ введенія, 8 главъ и заключенія, обнимаетъ 175 стр. большого формата съ огромными полями, слѣдовательно, не выдѣляется по своему размѣру.

Введеніе распадается на два отдѣла: первый (стр. 1—11) разсматриваетъ „составъ Алтаихской лѣтописи и мнѣнія различныхъ германскихъ ученыхъ объ авторѣ ея“; второй—(стр. 12—23) занимается „сравненіемъ плана лѣтописей“ и уясненіемъ „состава матеріала“ (?). Первая глава (стр. 24—52) говоритъ объ „отношеніи къ Богу и религіи“, вторая (стр. 53—94)—„объ отношеніи къ правителямъ“, третья (стр. 95—123) посвящена „духовенству“, четвертая (стр. 124—134) „знаменіямъ и явленіямъ природы“, пятая (стр. 134—146) знакомитъ съ „отношеніемъ къ врагамъ“, шестая (стр. 147—153) съ „отношеніями къ другимъ народамъ“, седьмая (стр. 154—160) отведена „междоусобіямъ и заговорамъ“, восьмая (стр. 161—165)—„взгляду на женщину“. Въ заключеніи бѣгло сведены добытыя ранѣе положенія (стр. 166—175).

Уже этотъ планъ показываетъ, что работа, не смотря на незначительный объемъ отдѣльныхъ главъ, не была строго продумана и собранный матеріалъ не расположенъ въ должномъ порядкѣ и съ надлежащей стройностью: нѣтъ выдержанной системы, нѣтъ послѣдовательнаго установленія сходныхъ и различныхъ воззрѣній лѣтописцевъ.

Болѣе же близкое знакомство съ представленнымъ сочиненіемъ открываетъ рядъ многочисленныхъ недочетовъ и погрѣшностей, обусловленныхъ, повидимому, 1) поспѣшностью работы, вѣроятно, за недостаткомъ свободнаго времени; 2) отсутствіемъ у автора навыка въ обращеніи съ историческими памятниками и свѣдѣній, необходимыхъ для удачнаго разрѣшенія поставленной задачи.

Недосугъ ярко сказывается на внѣшности сочиненія, отличающагося сильно-хромающимъ правописаніемъ и небрежной разстановкой знаковъ препинанія; авторъ, между прочимъ, старался соблюсти орѳографію русской лѣтописи въ своихъ огромныхъ выдержкахъ изъ нея, но безграмотный переписчикъ надѣлалъ столько ошибокъ, что при сѣшной ихъ поправкѣ многія остались совершенно неустраненными, какъ сознаетъ и предупреждаетъ самъ составитель. Языкъ работы также остался мало отдѣланнымъ: слогъ вообще неуклюжъ, тяжелъ, изоби-

луетъ неточностями (напр. обычное выраженіе „блаженной памяти“ постоянно считается „почетнымъ титуломъ“) и грубоватыми выраженіями („монахи не поцеремонились притащить мощи святого Ремакля“ *вм. Ремакла*). Лишь изрѣдка, въ особенности въ заключеніи, попадаются мѣста, сравнительно складно написанныя и болѣе обработанныя въ литературномъ отношеніи. Недостатки слога особенно рѣзко выступаютъ въ переводахъ отдѣльных мѣстъ алтайской лѣтописи: обыкновенно авторъ, не стремясь къ точной передачѣ общаго смысла, передаетъ слово за словомъ, оборотъ за оборотомъ, причемъ обнаруживается значительный недостатокъ вниманія: напр. стр. 56, *rex regum, scilicet Deus*, переведено „императоръ“, *honorare* — „любимо“, стр. 58 *quadragesima* — „праздники“, стр. 72—75 *inordinate* — „не въ порядкѣ вещей“, стр. 99 *quod suo loco dicetur*, „какъ о немъ рассказывали“, *intra urbem* — „въ города“, стр. 113 *anatemazavit* — „заключилъ въ темницу“, стр. 127 *tur-tur mirae pulchritudinis* „горлица необыкновенной величины“ и т. д. Къ сожалѣнію, подобныя оплошности ведутъ къ искаженіямъ и порою приводятъ къ совершенно непонятному переводу, напримѣръ:

„Такимъ образомъ загородили они (возставшіе князья) своему королю (Петру) дорогу, чтобы онъ нигдѣ не могъ найти выхода, пока язычники и негодяи, которымъ однимъ, по ихъ собственному желанію, былъ данъ свободный проходъ, не отняли у него зрѣнія“.

стр. 66.

Sic autem concluderant (principes regni Unarici) iter cregi suo, ut non haberet diverticulum ullo in loco, donec pagani et ignominiosi, quibus concessum erat propria voluntate uti, oculorum illum lumine privaverant p. 43.

Между тѣмъ дурно понятія мѣста памятника служатъ автору основаніемъ для его заключеній: такъ онъ говоритъ (стр. 74): „до какой степени *враждебно* относились князья къ королю, видно изъ словъ лѣтописи подъ 1038 г.: „самъ же герцогъ (пандулафъ) не пріѣхалъ, потому что онъ далъ обѣтъ никогда не видѣть лицо никакого короля“. Подлинникъ же гласитъ: герцогъ отправилъ къ Конраду II жену съ дѣтьми и богатыми дарами, „считая для себя дерзостью явиться передъ лицомъ императора, кто бы имъ ни былъ“, слѣдовательно о враждебности, да еще особенной, нѣтъ и помину. Далѣе авторъ утверждаетъ (стр. 136), что алтайскимъ лѣтописцемъ „позволяется *своимъ* все и все оправдывается“; доказательствомъ служитъ ослѣпленіе королемъ вожда, потерпѣвшаго неудачу, тогда какъ рѣчь идетъ не о германскомъ королѣ, а о венгерскомъ. Заключеніе „о преобладаніи монашества на Руси“ (стр. 117) основывается на утвержденіи, будто „Илларіонъ былъ

изъ числа монаховъ“, тогда какъ на слѣдующей же страницѣ приведена огромная выдержка изъ лѣтописи, гдѣ, между прочимъ, говорится: „и *поны* многы набдящю въ нихже бѣ презвутерь именемъ Ларіонъ“ (Р. Л. стр. 152). Вообще, случаи, когда выводы автора не вытекаютъ изъ приводимыхъ имъ данныхъ или прямо противорѣчатъ имъ, довольно часты и свидѣлствуютъ о невдумчивомъ, поспѣшномъ выполненіи темы; такъ, епископы отказываются судить папу, потому что „ученики не могутъ судить учителя (An. Alt. p. 58), а авторъ за это обвиняетъ ихъ въ „самоуправствѣ“ (стр. 107). Неувѣренность митрополита Георгія въ святости Бориса и Глѣба, отмѣченная русской лѣтописью („бѣ бо не твердъ вѣрою къ нима“), подало поводъ къ утверженію, что лѣтописецъ обвиняетъ митрополита въ *невѣрїи* (стр. 119). Авторъ, вообще жестко относящійся къ католицизму и его представителямъ, полагаетъ, что „русскій лѣтописецъ, рассказывая объ испытаніи вѣры Владиміромъ“, не щадитъ словъ по отношенію къ католикамъ (стр. 37), забывая, что именно здѣсь сказано: „ихъ же вѣра маломъ съ нами развращена“ (Р. Л. стр. 84). Наиболее яркимъ образцомъ неосновательности можетъ послужить совершенно неудачное „сравненіе плана лѣтописей“: оно сводится въ сущности къ такому разсужденію, изобилующему неточностями: „*по плану* какъ русская лѣтопись, такъ и алтайская *почти* совпадаютъ: *и та и другая написаны въ видѣ замѣтокъ по годамъ*; но только русская лѣтопись (,) разсматривая мною (,) начинается предисловіемъ, въ которомъ излагается краткая исторія рода человѣческаго послѣ потопа, съ цѣлью вывести происхожденіе славянъ, происхожденіе названія славянъ и только *послѣ этого т. е. съ 842 г.* когда *впервые* (,) по лѣтописи (,) *появляется имя славянъ, начинается правильный счетъ годовъ* и въ такомъ уже видѣ, т. е. при способѣ записыванія событій по годамъ (,) доходить до 1111 г. Какъ извѣстно, лѣтопись не отмѣчаетъ времени появленія названія „славяне“ и въ ней погодный разсказъ начинается съ 852 г. (Р. Л. стр. 17). Приведенный отрывокъ знакомитъ въ достаточной степени съ способомъ изложенія и съ языкомъ работы. Итакъ, недосугомъ и невниманіемъ автора можно объяснить множество неисправленныхъ ошибокъ, неточностей, погрѣшностей перевода, общую неотдѣланность изложенія и заключенія, не оправдываемая приводимыми данными.

Но не мало недостатковъ разсматриваемой работы слѣдуетъ отнести на долю неопытности автора, очевидно впервые выступающаго на научное поприще. Онъ приводитъ обыкновенно огромнѣйшія, дословныя выписки изъ обоихъ памятниковъ, нагромождаетъ сырой, отчасти непригодный матеріалъ и притомъ не дѣлаетъ точныхъ ссылокъ на алтайскую

лѣтопись, ограничиваясь зачастую однимъ указаніемъ года, да и то не всегда правильнымъ, такъ что при провѣркѣ пришлось разыскивать и помѣчать соотвѣтствующія страницы. Затѣмъ, авторъ не считаетъ нужнымъ перерабатывать свои пособія или указывать на заимствованія: такъ, первая половина введенія вполне самостоятельна и оказывается почти буквальнымъ, хотя порою и невѣрнымъ, переводомъ предисловія къ алтайской летописи, составленнаго Гизебрехтомъ. Лишь въ трехъ мѣстахъ замѣтно отступленіе (стр. 4, 10 и 11) отъ этого образца и пользование извѣстнымъ трудомъ Вакстенбаха, причемъ и тутъ переводъ неудаченъ.

Естественно, что сравнительное изученіе воззрѣній лѣтописцевъ оказалось для столь мало подготовленнаго автора совершенно не сильной задачей: онъ не выводитъ изъ вскользь оброненныхъ замѣчаній и другихъ данныхъ міросозерцаніе лѣтописцевъ, не устанавливаетъ чертъ сходныхъ и отличныхъ въ ихъ кругозорѣ, но довольствуется обыкновенно замѣчаніями о сходствѣ и различіи во внѣшности, въ чисто фактическихъ отличіяхъ содержанія, сводитъ дѣло къ сравненію положенія дѣлъ на западѣ и на Руси, причемъ обнаруживаетъ слабость историческаго пониманія: напр. по его мнѣнію, (ст. 80) „на руси князь еще болѣе *ограниченный*, чѣмъ западный императоръ, притомъ нѣтъ той пышности, *нѣтъ свадебныхъ тировъ*, образъ жизни гораздо проще, *что вполне понятно*, такъ какъ у русскихъ людей не было никакихъ идей, подобныхъ идеѣ римской имперіи“. Даже при установленіи внѣшнихъ отличій, авторъ оставляетъ всторонѣ едва ли не самое важное: отмѣтивъ напр. „отсутствіе заглавія въ алтайской лѣтописи“, онъ не говоритъ ни слова о такомъ крупномъ отличіи, какъ народный языкъ русской лѣтописи и книжный алтайской.

Наконецъ, автору сильно повредило недостаточное его знакомство съ исторіей Запада и Россіи, хотя бы за время, охватываемое обоими памятниками, и поверхностное изученіе пособій: даже на статью Сухомлинова, сличеніе которымъ особенностей русской лѣтописи съ западноевропейскими долженъ былъ провѣрить взявшійся за работу, нашъ авторъ ссылается всего лишь одинъ разъ: „я не согласенъ съ мнѣніемъ Сухомлинова, что Несторъ не имѣетъ никакой цѣли въ выборѣ преданій“ стр. 170. Автору не зачѣмъ было такъ рѣзко отдѣлять себя отъ почтеннаго ученаго, потому что пристрастіе лѣтописи къ Полякамъ принимаетъ и глубокоуважаемый профессоръ Багалій, въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ, которыя должны были, при внимательномъ ихъ изученіи, познакомить съ литературой вопроса о русской лѣтописи и спасти отъ тѣхъ превратныхъ сужденій и пробѣловъ, какіе замѣчаются напр.

при установлении авторомъ составныхъ частей лѣтописнаго свода. Что же касается нѣмецкихъ работъ, посвященныхъ алтайской лѣтописи, то авторъ мало воспользовался Ваттенбахомъ и нѣтъ никакихъ слѣдовъ знакомства съ трудомъ Гизебрехта, на который указываетъ предисловіе, стало быть, авторъ не сумѣлъ извлечь изъ него полезныя для себя данныя. Быть можетъ и тутъ выступаютъ слѣдствія недостатка времени, но во всякомъ случаѣ невдумчивое отношеніе автора къ дѣлу не подлежитъ сомнѣнію: онъ же извлекъ самыя характерныя мѣста, указывалъ на отличія, въ дѣйствительности несуществующія, и дошелъ до утверждения, что алтайскій монахъ съ ненавистью относится въ Генриху IV за его борьбу съ папой, тогда какъ о ней лѣтопись не говоритъ совершенно. Нѣтъ никакой возможности въ краткомъ отзывѣ указать на всѣ промахи автора, они слишкомъ многочисленны. Справедливость требуетъ, однако, напомнить, что автору пришлось работать надъ труднымъ для начинающаго вопросомъ по первоисточникамъ. Несмотря на свою неопытность и поспѣшность, онъ сдѣлалъ нѣсколько правильныхъ наблюдений: такъ онъ вѣрно подмѣтилъ, что русскій лѣтописецъ придаетъ больше значенія образованію, чѣмъ западный, больше почитаетъ пресвятую Дѣву и святыхъ, что оба лѣтописца постоянно видятъ слѣды вмѣшательства Бога и его противника дьявола въ общій ходъ событій и дѣла людей, оба пристрастны къ своимъ, хотя на западѣ алтайская лѣтопись цѣнится очень высоко именно по своей примѣрной объективности. Таковы, въ общихъ чертахъ, темныя и свѣтлыя стороны разсматриваемой работы; перевѣсь, безспорно, остается за первыми, но существованіе вторыхъ побуждаетъ отнести на усмотрѣніе факультета возможность присужденія автору почетнаго отзыва.

Прив-доц. А. Вязинъ.

II. По физико-математическому факультету.

Отзывъ заслуж. проф. А. П. Шимкова о сочиненіи „Объ электрическихъ колебаніяхъ малыхъ періодовъ подъ девизомъ“ *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.*

Сочиненіе неизвѣстнаго автора „Объ электрическихъ колебаніяхъ малыхъ періодовъ“ подъ девизомъ „*Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*“ разбито на девять главъ, посвященныхъ изложенію различныхъ сторонъ этого интереснаго предмета. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ условія образованія колеблющагося электрическаго раз-

ряда, излагаетъ теорію его по В. Томсону и тѣ преобразованія ея, которыя привели Генриха Герца къ образованію колебаній весьма малаго періода. Въ главѣ второй авторъ выводитъ основныя уравненія электродинамики по Герцу, послѣ чего, въ главѣ 3-й, рассматриваетъ приборъ Герца и распространеніе герцевскихъ колебаній въ воздухѣ. Въ главѣ 4-й авторъ рассматриваетъ распредѣленіе электрическихъ и магнитныхъ силъ внутри проводника и на поверхности его, послѣ чего, въ главѣ 5-й, излагаетъ интегрированіе основныхъ уравненій теоріи Герца, какъ оно представлено Г. Поанкаре. Въ 6-й главѣ авторъ рассматриваетъ распространеніе электрическихъ колебаній въ проволокахъ, приводя при этомъ описаніе опытовъ, относящихся къ этому предмету. Въ 7 и 8 главахъ онъ рассматриваетъ теорію электрическихъ резонаторовъ для различныхъ формъ ихъ и при различныхъ положеніяхъ относительно оси вибратора. Наконецъ въ 9-й главѣ очень кратко затронутъ вопросъ о распространеніи плоскихъ электромагнитныхъ волнъ въ изотропной и однородной средѣ,—котораго автору въ такомъ видѣ и не слѣдовало бы касаться, такъ какъ онъ отчасти выходитъ уже за предѣлы темы.

При своемъ изложеніи авторъ пользовался классическими мемуарами Г. Герца, собранными въ его „*Untersuchungen über die Ausbreitung der Elektrischen Kraft*“, и извѣстнымъ трудомъ Г. Поанкаре „*Les oscillations electriques*“, которые онъ и указываетъ въ концѣ своего труда. Чтеніе настоящаго сочиненія приводитъ меня къ заключенію, что авторъ его основательно ознакомился съ вопросомъ объ электрическихъ колебаніяхъ, изученіе которыхъ представляетъ къ тому же значительныя трудности, и что ему удалось представить удачное изложеніе этого предмета. Правда редакція не всегда безупречна, авторъ вѣроятно спѣшилъ, что и оставило нѣкоторые слѣды въ его трудѣ, особенно же въ послѣднихъ главахъ его,—но я недумаю, чтобы это могло помѣшать признанію серьезныхъ достоинствъ въ его трудѣ. Въ моихъ глазахъ трудъ неизвѣстнаго автора обладаетъ тѣмъ качествомъ, которое прежде всего слѣдуетъ цѣнить въ трудахъ студентовъ университета, отъ которыхъ трудно ожидать самостоятельныхъ изслѣдованій: трудъ неизвѣстнаго автора показываетъ мнѣ, что авторъ хорошо освоился съ основами физико-математическихъ наукъ и что онъ такимъ образомъ подготовилъ себя къ самостоятельному чтенію и изложенію специальныхъ отдѣловъ этихъ наукъ, а затѣмъ и къ самостоятельной работѣ въ разныхъ областяхъ.

По этимъ соображеніямъ я считалъ бы справедливымъ присужденіе автору сочиненія „Объ электрическихъ колебаніяхъ малыхъ періодовъ“ подъ девизомъ: „*Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*“—золотой медали, о чемъ имѣю честь представить Факультету.

Заслуженный профессоръ А. Шимковъ.

Отзывъ и. д. э. о. проф. В. Θ. Тимофеева о сочиненіи „Теоріи окрашиванія волокнистыхъ веществъ красильными пигментами“ подъ девизомъ „Хотя крашеніе практикуется съ весьма отдаленныхъ временъ, тѣмъ не менѣе сущность его съ достовѣрностью до сихъ поръ не выяснено“.

Исполняя порученіе факультета, имѣю честь представить слѣдующій отзывъ о сочиненіи неизвѣстнаго автора „Теоріи окрашиванія волокнистыхъ веществъ красильными пигментами“ подъ девизомъ „хотя крашеніе практикуется съ весьма отдаленныхъ временъ, тѣмъ не менѣе сущность его съ достовѣрностью до сихъ поръ не выяснена.“

Означенное сочиненіе, заключающее въ себѣ 172 страницы, состоитъ изъ введенія (1—10) стр) и двухъ главъ (10—155 и 155—172 стр.).

Въ краткомъ введеніи авторъ разсматриваетъ матеріалы, употребляющіеся при крашеніи, т. е. волокнистыя вещества и красильные пигменты, и устанавливаетъ главные типы крашенія, субъективнаго, адъективнаго и пр. Въ заключеніе авторъ указываетъ на то, что научная сторона процесса крашенія мало разработана и выяснена, несмотря на громадный опытный матеріалъ, добытый практикой.

Глава 1-я посвящена авторомъ изложенію литературныхъ данныхъ по вопросу о крашеніи, причемъ за недостаткомъ литературныхъ пособій и времени онъ былъ принужденъ начать изложеніе литературы, съ середины текущаго столѣтія.

На страницахъ 10—55 авторъ довольно полно излагаетъ результаты ряда изслѣдованій W. Crum'a, Kuhlmann'a, Mercer'a, Verdeil'я, Maschke, Bolley'я, Erdmann'a и Mittenzwey'я, Navrez'a, Knecht'a, Nölting'a и др., касающихся всѣхъ главныхъ сторонъ процесса крашенія какъ-то: различнаго отношенія животныхъ и растительныхъ волоконъ къ протравамъ и пигментамъ, вліянія структуры волоконъ на характеръ окрашиванія, различія въ пигментахъ и т. д. Всѣ эти изслѣдованія довольно характерно иллюстрируютъ сложность и многообразіе процессовъ крашенія, обуславливающія одновременное существованіе различныхъ теорій крашенія, механической и химической.

Въ 1890 году Witt'омъ былъ высказанъ новый взглядъ на процессъ крашенія, относившій послѣдній къ области явленій растворимости и давшій нѣсколько другое направленіе изслѣдованіямъ надъ процессомъ крашенія какъ это видно по работамъ Georgievicz'a, Schmidt'a, Walker и Appleyard'a и т. д. Эти работы, включая сюда и статьи защитника чисто химической теоріи крашенія Weber'a, довольно подробно изложены на стр. 55—155 авторомъ разбираемаго сочиненія. Въ особенности онъ останавливается на изслѣдованіяхъ Georgievicz'a, попробовавшаго примѣ-

нить законъ постоянства коэффициента распредѣленія вещества между двумя растворителями къ явленіямъ извлеченія волокномъ пигмента изъ красильной ванны, а также на работахъ I. Walker и Appleyard'a, провѣрившихъ общеприложимость законности, подмѣченной Georgievicz'емъ.

Всѣ вышеприведенныя работы (конечно главнѣйшія) изложены авторомъ полно и обстоятельно, причемъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неограничивается только изложеніемъ, но и дѣлаетъ замѣчанія критическаго характера: напр. замѣчанія на стр. 55, 68, 73, 153 и др.

Глава вторая заключаетъ въ себѣ опытную провѣрку нѣкоторыхъ опытовъ Георгіевича и изслѣдованія надъ распредѣленіемъ нѣкоторыхъ органическихъ кислотъ между воднымъ растворомъ и шелкомъ. Авторъ получилъ при провѣркѣ опытовъ Георгіевича тождественные результаты; для своихъ же изслѣдованій надъ распредѣленіями кислотъ онъ пользовался методомъ нѣсколько отличнымъ отъ метода Walker'a.

Выборъ органическихъ кислотъ (главнымъ образомъ ароматическаго ряда), а именно: салициловой, мета-нитробензойной, миндальной, гидрокориичной, фталевой, сульфаниловой и камфорной, какъ матеріала для красильной ванны вмѣсто пигментовъ, авторъ резонно оправдываетъ желаніемъ начать съ изученія наиболѣе просто построенныхъ веществъ, чтобы имѣть возможность послѣдовательно разобраться въ столь сложномъ вопросѣ, какъ процессъ крашенія. Всѣхъ опытовъ сдѣлано авторомъ болѣе 70; изъ нихъ явствуетъ, что приложеніе формулы Георгіевича

$\frac{\sqrt{x} \cdot c_w}{c_s}$ даетъ для x 'а не только величины равныя или большія 2,

какъ это показали Schmidt и Walker, но и равныя единицѣ. Такимъ образомъ авторъ изъ своихъ опытовъ выводимъ, что нѣкоторыя изъ простѣйшихъ кислотъ какъ-то: салициловая, камфорная и гидрокориичная (миндальная имъ помѣщена сюда по ошибкѣ), распредѣляются между ванной и волокномъ аналогично простѣйшему случаю распредѣленія вещества между двумя растворителями, другія же, миндальная, метанитробензойная, фталевая и сульфаниловая болѣе, удовлетворяютъ фор-

мулѣ, предложенной Георгіевичемъ $\frac{\sqrt{c_w}}{c_s}$.

Что касается недостатковъ означеннаго сочиненія, то автору можно было бы поставить въ упрекъ: мѣстами нѣсколько тяжеловатый слогъ, въ которомъ иногда чувствуется подстрочный переводъ съ иностраннаго языка и нѣкоторое злоупотребленіе нѣмецкими цитатами, ничего особаго при томъ въ себѣ не заключающими.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, я имѣю честь сообщить факультету, что по моему мнѣнію неизвѣстный авторъ сочиненія „Теоріи окрашиванія волокнистыхъ веществъ красильными пигментами“ подъ девизомъ „хотя крашеніе и т. д.“ заслуживаетъ награды золотой медалью.

И. д. экстра-ординар. профессора В. *Тимовеевъ*.

Отзывъ орд. проф. А. Н. Краснова о сочиненіи „Къ вопросу объ остаткѣ растительности ледниковаго“ періода подъ девизомъ. „Пока неизвѣстны ближайшія причины даннаго явленія, не слѣдуетъ вводить причинъ отдѣленных“.

О представленномъ для моего отзыва сочиненіи неизвѣстнаго автора подъ эпиграфомъ „Пока неизвѣстны ближайшія причины даннаго явленія, не слѣдуетъ вводить причинъ отдаленныхъ“—имѣю честь сообщить факультету слѣдующее. Въ статьѣ своей, названной „Къ вопросу объ остаткѣ растительности ледниковаго періода“, авторъ подробно разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи и значеніи флоры известняковыхъ обнаженій Россіи. Его основною цѣлью является, путемъ критическаго разсмотрѣнія литературныхъ данныхъ и собственныхъ изслѣдованій, опровергнуть высказанное г. Литвиновымъ и раздѣленное многими русскими ботаниками мнѣніе, что наиболѣе возвышенные пункты русской равнины вообще, а въ частности известняковыя обнаженія этихъ пунктовъ являются мѣстами, гдѣ сохранились древнія формы степи, сохранившіяся съ постъ-гладціальной эпохи и имѣющія больше родства съ нагорною флорою вообще и нагорными сосновыми борами въ частности, чѣмъ другія формы современной степи. Авторъ не хочетъ видѣть этого реликтоваго характера, по крайней мѣрѣ, во флорѣ известняковъ, которая исключительно и занимаетъ его работу.

Онъ думаетъ наоборотъ, что эта флора пришлая, новѣйшей формации, подобно флорѣ нашихъ бурьяновъ, образовавшихся при помощи челоѣка, который создалъ подходящую для нея почву и способствовалъ занесенію соотвѣтственныхъ растений.

По его мнѣнію, всѣ области теперешнихъ известняковыхъ обнаженій въ доисторическую эпоху были сплошь покрыты сосновыми борами или, покрайней мѣрѣ, лѣсами. По мѣрѣ расчистки лѣсовъ челоѣкомъ явились эти обнаженія мѣла и другихъ известняковъ и заселились и теперь еще заселяются оригинальною известковою флорою.

И то и другое предположеніе—гипотезы. Авторъ упрекаетъ гг. Литвинова, Карпинскаго и др. въ томъ, что они собирали свѣдѣнія, разсматривая факты подъ угломъ *своей* гипотезы, и старается дать имъ

другое толкованіе. Такъ, наприм., тотъ фактъ, что большинство ю. и ю.-в. склоновъ лѣсо-степной полосы Россіи, по даннымъ ея изслѣдователей, безлѣсны и покрыты степною флорою, онъ не считаетъ достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что онѣ были всегда безлѣсны. Находя случаи, гдѣ лѣса росли и на южн. склонахъ, онъ утверждаетъ, что склоны эти не вредны для деревьевъ этой полосы и *впрямую* были ими нѣкогда покрыты. Точно также острова степей среди лѣсной области онъ считаетъ образованіемъ позднѣйшимъ и придерживается взгляда Богданова, что лѣса нѣкогда были сильно распространены въ теперешней степной области, допуская, что они покрывали ее *сплошь*, не оставляя мѣста на задернованныхъ и покрытыхъ ими обнаженіяхъ для степныхъ и известковыхъ формъ травянистой растительности. Точно также онъ не признаетъ характерныхъ для возвышенностей эндемичныхъ формъ за таковыя. Онъ высказываетъ мнѣніе, что ихъ еще могутъ найти гдѣ нибудь въ горахъ, откуда они родомъ, или ихъ видовые признаки признаетъ шаткими.

Напротивъ, онъ указываетъ, что наиболѣе богатая известковая флора находится по сосѣдству съ древними поселеніями и что многія известковыя формы не гибнутъ, но размножаются по сосѣдству съ человекомъ; нѣкоторыя даже нѣсколько сродни сорнымъ.

Доводы, приводимые авторомъ въ пользу своей гипотезы, я не могу, однако, считать болѣе убѣдительными, чѣмъ доводы тѣхъ лицъ, гипотезу которыхъ онъ пытается разбить. Во-первыхъ, пока никто не опровергъ эндемизма флоры южно-русскихъ высотъ—эти послѣднія должны считаться эндемичными—и доводъ сторонниковъ реликтоваго характера флоры остается въ прежней силѣ. Во-вторыхъ, вся сумма данныхъ о томъ, что въ области мѣловыхъ обнаженій юга Саратовской губерніи и Донецкаго края—были лѣса тамъ, гдѣ ихъ теперь нѣтъ и помину, не даетъ еще никакого права утверждать, что то были также сплошные дремучіе боры, которые не давали мѣста инымъ формациямъ. Въ мѣстахъ, богатыхъ естественными обнаженіями и съ неровнымъ рельефомъ наблюдаются даже въ областяхъ очень влажныхъ и лѣсистыхъ пункты, гдѣ лѣсъ не развивается самъ собою и гдѣ господствуетъ флора сухихъ каменистыхъ почвъ. Такія мѣста наблюдаются даже во влажной Сибири, на дикомъ и нетронutomъ культурою Сахалинѣ—тѣмъ болѣе естественно ихъ ожидать на югѣ Саратовской губерніи.

Наконецъ, далеко не всѣ известковыя растенія грубо и индифферентно относятся къ хозяйству человека. *Linum hirsutum*, *Adonis vernalis* далеко не всегда благоденствуютъ тамъ, гдѣ топчутъ почву—а такихъ формъ не 2—3, а цѣлыя десятки. Виды известняковъ вовсе не

такъ обычны въ горахъ, чтобы заносъ ихъ оттуда былъ дѣломъ простымъ и легкимъ. Между тѣмъ сходство флоры далеко разбросанныхъ обнаженій говоритъ о единствѣ характера ихъ растительности. Такимъ образомъ смѣлую гипотезу Литвинова — авторъ замѣняетъ еще болѣе смѣлою и мало доказательною своею.

Не смотря на это, я, однако, не могу не признать за его трудомъ значительныхъ достоинствъ. Онъ выдвинулъ на первое мѣсто, благодаря новой точкѣ зрѣнія, многіе факты, на которые достаточно не обращалось вниманія; свелъ въ одно цѣлое, подвергнувъ разбору и критикѣ относящуюся сюда литературу — и наконецъ лично осмотрѣлъ и описалъ многіе интересныя по флорѣ известняковъ уголки степной полосы Россіи въ предѣлахъ Войска Донскаго, Саратовской губерніи и Екатеринославской, собравъ много данныхъ о ихъ растительности. Вся работа показываетъ рѣдкое у нашей теперешней учащейся молодежи знакомство со систематикою и флорою южной Россіи и касающейся ея литературою.

Въ виду всего этого я признаю работу вполне заслуживающею той преміи, для которой она написана — тѣмъ болѣе, что волею завѣщавшаго ее лица было именно изученіе флоры южно-русскаго степнаго края.

Профессоръ А. Красновъ.

Отзывъ заслуж. проф. А. С. Біо о сочиненіи „О псевдоморфозахъ минеральнаго царства“ подѣ девизомъ „Gutta lapidem cavat“.

Разсмотрѣвъ, согласно порученію факультета, сочиненіе неизвѣстнаго автора — „О псевдоморфозахъ минеральнаго царства“, — съ девизомъ „gutta lapidem cavat“, — имѣю честь представить слѣдующее заключеніе по поводу означенной работы.

Разсмотрѣнное сочиненіе представляетъ попытку изложить ученіе о псевдоморфозахъ въ историческомъ его развитіи и указать значеніе полученныхъ результатовъ изслѣдованія въ области генезиса минераловъ. Въ работѣ своей авторъ указываетъ сначала на установленіе въ наукѣ понятія о псевдоморфозахъ, а также какъ понятіе это постепенно измѣнялось по мѣрѣ расширенія изслѣдованій въ области псевдоморфныхъ процессовъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи псевдоморфозъ и ихъ классификаціи. Эта часть работы свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ ея довольно подробно ознакомился съ историческимъ развитіемъ разсматриваемаго вопроса по соответственнымъ литературнымъ источникамъ. Приводимое указаніе довольно обширной литера-

туры, относящейся къ вопросу изслѣдованія псевдоморфозъ, съ постороннимъ обозначеніемъ цитируемыхъ мѣстъ, составлено очень тщательно и представляется, по моему мнѣнію, вполне удовлетворительнымъ. Нельзя не пожалѣть однако, что, при литературныхъ ссылкахъ автора, не всегда представляется яснымъ, когда онъ самостоятельно пользовался указаніями первоисточниковъ и въ какихъ случаяхъ дѣлаемыя имъ указанія приводятся въ соотвѣтствіи съ указаніями другихъ авторовъ.—Слабую сторону этой части работы представляютъ по моему мнѣнію многіе случаи оцѣнки упоминаемыхъ изслѣдованій, которая нерѣдко представляется или недостаточно полной, или выраженной только слишкомъ въ общихъ чертахъ съ нѣкоторой не вполне умѣстной авторитетностью. Сюда отношу я напримѣръ поощрительную похвалу по адресу изслѣдованій Вишофа и критическія замѣчанія по поводу изслѣдованій Блума и другихъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу опредѣленія значенія псевдоморфоза въ области генезиса минераловъ.—Указанія, приводимыя въ этой части разсматриваемой работы, сводятся къ общей характеристикѣ вліянія главнѣйшихъ дѣятелей, дѣйствіемъ которыхъ обуславливаются существенные виды процессовъ превращенія и вывѣтриванія минераловъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не наблюдается возникновенія псевдоморфоза. Поэтому эта часть работы, по моему мнѣнію, представляется изложеніемъ извѣстныхъ фактовъ общаго значенія.

Наиболѣе интересной частью разсматриваемой работы представляется, по моему мнѣнію, глава, въ которой приводится нѣсколько примѣровъ самостоятельныхъ макро-и микроскопическихъ изслѣдованій надъ псевдоморфозами. Авторъ работы изслѣдовалъ два случая псевдоморфныхъ образований: 1) псевдоморфозу каолина по ортоклазу изъ мѣсторожденія С. Юста въ Корнвалиссѣ и 2) каолина, по лейциту изъ мѣсторожденія Рокка Монфино близъ Неаполя. Изслѣдованія эти произведены довольно тщательно, причемъ авторъ обнаруживаетъ достаточное умѣнье ориентироваться при кристаллографическихъ и при кристаллофизическихъ опредѣленіяхъ.—Къ работѣ приложены три микроскопическіе шлифа, которые наглядно подтверждаютъ указаніе генетической связи между минералами, соединенными между собою процессомъ псевдоморфнаго измѣненія. Вообще я считаю эту часть работы лучшимъ ея отдѣломъ, такъ какъ она свидѣтельствуетъ, что авторъ обладаетъ свѣдѣніями, указывающими на достаточную для студента степень подготовки къ производству научно-минералогическихъ изслѣдованій.

Въ виду всего вышеизложеннаго я признаю справедливымъ награжденіе автора разсмотрѣннаго сочиненія „о псевдоморфозахъ мине-

рального царства съ девизомъ „gutta lapidem cavat“—серебряною медалью. Настоящее заключеніе свое по поводу означенной работы имѣю честь представить на усмотрѣніе физико-математическаго факультета.

Профессоръ Бріо.

III. По юридическому факультету.

Рецензія на сочиненіе „О Блокадѣ“ подѣ девизомъ „That they should take who have the power and they should keep who can“.

Сочиненіе подѣ девизомъ „That they should take who have the power, and they should keep who can“, девизомъ, неимѣющимъ никакого отношенія къ содержанію представленной работы, отличается существенными недостатками. Въ значительной своей части оно списано (и очень неумѣло) почти буквально или же съ незначительными передѣлками и добавленіями, иногда совершенно искажающими смыслъ подлинника; причеиъ авторъ въ большинствѣ случаевъ не указываетъ, откуда онъ позаимствовалъ цѣлыя страницы.

Мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, наприиѣръ Фомилли, приводятся въ искаженномъ видѣ, такъ что остается предположить одно изъ двухъ: или авторъ очень плохо владѣетъ французскимъ языкомъ или-же, не вдумываясь въ содержаніе представляемыхъ имъ мнѣній, старается кое-какъ связать ихъ въ одно цѣлое, но такъ неудачно, что начало фразы и конецъ ея часто находятся въ полномъ противорѣчій.

Когда же авторъ пытается высказать свои собственные взгляды, онъ часто приводитъ безспорныя, азбучныя истины или же впадаетъ въ болтовню съ фельетоннымъ оттѣнкомъ.

Въ планѣ сочиненія и въ расположеніи матеріала замѣтно полное подчиненіе пособіямъ, которыми пользовался авторъ. Такъ, нѣкоторыя части его работы, изложенныя по монографіямъ, специально посвященнымъ блокадѣ, отличаются излишней (для ученической работы) полнотой, другимъ же, написаннымъ по общимъ сочиненіямъ, удѣлено сравнительно очень мало вниманія. Написано сочиненіе какимъ то варварскимъ языкомъ¹⁾; встрѣчаются также и крупныя грамматическія ошибки; но по-

¹⁾ Подлинныя выраженія автора: „Для большей ясности мы будемъ исходить по одному и тому же вопросу изъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія“. „Тутъ“ „озираясь далеко вокругъ по вопросу“ о „прогрессѣ въ области военныхъ орудій... я... „провоожу мысль“, что... „артиллерійскій огонь возстановитъ полноту своихъ правъ“...

слѣднія вѣроятно произошли отъ спѣшности переписки. На основаніи указанныхъ недостатковъ я полагаю, что сочиненіе „О Блокадѣ“ не заслуживаетъ награды.

Привать-доцентъ В. Ястржембскій.

Рецензія на сочиненіе, съ девизомъ „quidquid agis prudenter agas et respice finem“ о договорѣ товарищества по русскому гражданскому праву.

Авторъ этого сочиненія желаетъ, какъ видно, съузить заданную тему и заявляетъ въ предисловіи, что онъ будетъ разсматривать вопросъ о договорѣ товарищества „исключительно съ точки зрѣнія элементовъ этого рода общенія“. Находя, вѣроятно, это опредѣленіе недостаточнымъ, авторъ для разъясненія тутъ же указываетъ на тѣ „различныя детали въ ученіи о товариществѣ, какъ напр., о потерѣ акціи или о способѣ образованія акціонерныхъ обществъ, которые оставлены (имъ) безъ вниманія“. Но тѣмъ не менѣе авторъ въ послѣдствіи отказывается до извѣстной степени отъ своего первоначальнаго намѣренія и принужденъ все-таки посвятить нѣсколько страницъ (стр. 42 сл.) вопросу о возникновеніи акціонернаго товарищества—чуть ли не самому важному въ ученіи объ этихъ обществахъ. Изъ этого можно вывести заключеніе, что авторъ, приступая къ работѣ, не имѣлъ яснаго представленія объ объемѣ предпринятаго имъ труда. Но видно во всякомъ случаѣ, что съ самаго начала его больше всего поразили тѣ общія черты, которыя можно отмѣтить между отдѣльными типами современнаго товарищества. Онъ рѣшился вслѣдствіе этого придать своей работѣ характеръ единства, разсматривая возникновеніе и прекращеніе, внутреннія и внѣшнія отношенія всѣхъ видовъ товарищества (за исключеніемъ товарищества съ переменнымъ капиталомъ, котораго онъ совсѣмъ не коснулся) не отдѣльно, а вмѣстѣ. Этотъ порядокъ изложенія обозначенъ въ планѣ предшествующемъ работѣ; но къ сожалѣнію въ самомъ сочиненіи мы уже не находимъ слѣдовъ этого плана. Сплошной текстъ не распадается ни на отдѣлы, ни на главы, ни на §§; мѣстами попадаются рубрики, но онѣ не соотвѣтствуютъ составнымъ частямъ оглавленія. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣйствующаго права, авторъ считаетъ нужнымъ дать небольшой обзоръ исторіи возникно-

„не претящихъ общепризнаннымъ требованіямъ“. „Обзирая ученія“... о „ничѣмъ не связанномъ суверенитетѣ надъ общимъ моремъ“, я долженъ сказать, что... „это дѣйствительно жаль“. „Матеріаломъ настоящаго изслѣдованія намъ послужили собственные размышленія“. „Въ заключеніе прошу извиненія предъ достопочтеннымъ читателемъ“.

венія торговли и торговыхъ союзовъ: но вслѣдствіе крайней скудости просмотрѣнной литературы, этотъ обзоръ принялъ минимальные размѣры. Къ римскому праву авторъ относится съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, отмѣчая, что большинство современныхъ законодательствъ находится „подъ его давленіемъ“ (стр. 3). Тѣмъ не менѣе онъ останавливается больше, чѣмъ слѣдовало, на римской *societas*, стараясь доказать, что современное полное товарищество происходитъ отъ римской *societas unius negotiationis*. Но даже если признать, что этотъ видъ соединенія возникъ у Римлянъ раньше остальныхъ, нѣтъ никакого основанія полагать, что наше полное товарищество развилось именно подъ вліяніемъ этого института; отличительная черта полнаго товарищества—круговая порука товарищей остается во всякомъ случаѣ невыясненною. Вообще нужно признать, что аргументація автора нерѣдко отличается странностью: встрѣтившись съ двумя противоположными взглядами по поводу вопроса о признаніи торговыхъ товариществъ юридическими лицами, онъ отмѣчаетъ, что оба они соотвѣтствуютъ требованіямъ жизни. Тѣмъ не менѣе онъ высказывается въ пользу одного изъ нихъ, основываясь на мнѣніи большинства цивилистовъ, причемъ считаетъ нужнымъ успокоить читателя увѣреніемъ, что въ этомъ мнѣніи „не заключается никакого логическаго противорѣчія“. Утверждая далѣе, что и артель всегда слѣдуетъ считать корпораціей, онъ для подкрѣпленія этого слишкомъ общаго положенія ссылается на утвержденіе артели со стороны правительства; но тутъ же прибавляетъ, что у насъ въ Россіи юридическое лицо можетъ возникнуть и помимо этого разрѣшенія (стр. 47 сл.).

Кромѣ того работа непріятно поражаетъ читателя голословностью ссылокъ на литературу. Когда автору приходится приводить мнѣнія другихъ, онъ большей частью ограничивается общими выраженіями: „нѣкоторые авторы“, „многіе ученые“, „большинство цивилистовъ“ и т. д., рѣдко приводя ихъ фамиліи и никогда не указывая на сочиненія и страницы. Вслѣдствіе чего довольно трудно прослѣдить, насколько авторъ сѣмѣлъ воспользоваться тѣми немногочисленными сочиненіями, которыя онъ приводитъ въ началѣ работы, и среди которыхъ отсутствуютъ легко доступныя и распространенныя книги, какъ напримѣръ учебникъ Цитовича и Очерки по русскому торговому праву Гольмстена. Авторъ кромѣ того, какъ видно, смѣшиваетъ сочиненія юристовъ со сборниками объективнаго права: по крайней мѣрѣ списокъ книгъ, которыя онъ имѣлъ въ рукахъ, озаглавленъ: „источники“ и здѣсь приводятся вмѣстѣ—учебникъ Шершеневича и *Corpus juris civilis*, Пандекты Виндшейда и уставъ товарищества барона Бергенгейна для выдѣлки терра-

котовыхъ произведеній. Нужно еще прибавить, что авторъ игнорируетъ нашу сенатскую практику.

Всѣ эти недостатки заставляютъ меня думать, что авторъ недоустигъ намѣченной цѣли и что онъ не можетъ быть удостоенъ преміи. Но такъ какъ онъ несомнѣнно трудился, и нѣкоторыя части его работы показываютъ, что онъ понялъ отличительныя черты отдѣльных видовъ товарищества, условія, при которыхъ дѣйствуютъ эти органическіе союзы и ихъ дальнѣйшія задачи въ будущемъ, я полагаю бы, что авторъ заслуживаетъ одобренія въ формѣ похвального отзыва.

Л. Кассо.

Рецензія на сочиненіе, съ девизомъ „Habent sua fata libelli“, договоръ товарищества по русскому гражданскому праву.

Авторъ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію ученія объ отдѣльных видахъ товарищества, правильно рѣшаетъ два вопроса, имѣющіе общее значеніе. Онъ сначала устанавливаетъ, что по нашему законодательству нѣтъ принципиальнаго различія въ юридическомъ характерѣ нашихъ гражданскихъ и торговыхъ товариществъ, такъ какъ онъ не поставленъ въ зависимость отъ свойства сдѣлокъ, заключенныхъ этими союзами. Далѣе онъ весьма обстоятельно изслѣдуетъ положеніе, которое занимаетъ въ общей системѣ современнаго права институтъ товарищества, усматривая отличительную черту *universitas* въ отсутствіи личной отвѣтственности соучастниковъ, вслѣдствіе чего всѣ виды товариществъ распадаются на двѣ группы: на союзы, которымъ присвоенъ характеръ юридического лица, и на союзы лишенные этого характера.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній авторъ даетъ намъ цѣлый рядъ подробныхъ и интересныхъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ типамъ современныхъ товариществъ; это частичное изложеніе вполне оправдывается тѣми значительными особенностями, которыми отличаются въ современномъ правѣ—полное товарищество, товарищество на вѣрѣ, акціонерное товарищество, товарищества съ переменнымъ капиталомъ и наконецъ наша національная форма соединенія—артель. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ авторъ тщательно изучаетъ возникновеніе и прекращеніе даннаго союза, внутреннія отношенія и внѣшнія правомочія его членовъ. Особенно удачными являются: 1) глава, посвященная положенію, занимаемому вкладчикомъ въ товариществѣ на вѣрѣ, 2) глава, гдѣ авторъ съ большимъ умѣніемъ излагаетъ взаимныя отношенія членовъ полнаго товарищества рядомъ съ отношеніями, существующими между

товарищескимъ фондомъ и частнымъ имуществомъ отдѣльныхъ соучастниковъ, и 3) наконецъ глава, гдѣ авторъ ясно устанавливаетъ понятіе объ акціи какъ о составной части имущества корпораціи. Разсматривая ближе артель, авторъ обратилъ должное вниманіе на два типа этого соединенія, изъ которыхъ одинъ является юридическимъ лицомъ съ ограниченной отвѣтственностью, тогда какъ другой можетъ быть подведенъ подъ понятіе о полномъ товариществѣ, отъ котораго онъ впрочемъ отличается постояннымъ измѣненіемъ въ личномъ составѣ артели. Жаль только, что авторъ не имѣлъ возможности прочесть самый текстъ устава нѣкоторыхъ артелей; его живое и интересное изложеніе могло бы только выиграть отъ этого. Тоже самое нужно сказать о главѣ, посвященной товариществамъ съ переменнымъ капиталомъ, гдѣ непосредственное знакомство съ уставами нашихъ обществъ взаимнаго кредита оказало бы также несомнѣнныя услуги автору. Заканчивая свою обширную работу, авторъ касается и тѣхъ союзовъ, которые преслѣдуютъ научныя, эстетическія или благотворительныя цѣли, и онъ здѣсь еще разъ встрѣчается съ вопросомъ о соотношеніи *societas* и *universitas*. Онъ впрочемъ и здѣсь рѣшаетъ его вполне правильно, придавая главное значеніе уставамъ этихъ обществъ, въ которыхъ ограниченная отвѣтственность отдѣльныхъ членовъ является самымъ вѣрнымъ признакомъ корпораціоннаго характера.

Въ общемъ нужно сказать, что этотъ солидный трудъ производитъ весьма выгодное впечатлѣніе. Видно, что авторъ сумѣлъ воспользоваться литературой, русской и иностранной, видно, что онъ читалъ внимательно и писалъ сознательно. Приятно поражаетъ въ этой работѣ ясность юридическаго языка, спокойствіе изложенія и трезвость мышленія. Точность и аккуратность автора высказываются между прочимъ въ цитатахъ многочисленныхъ примѣчаній, гдѣ нерѣдко приводятся объясненія, удачно дополняющія главную мысль, излагаемую въ текстѣ.

Самый существенный недостатокъ работы—отсутствіе историческаго обзора развитія товариществъ на западѣ. Появленіе неограниченной отвѣтственности членовъ полного товарищества, присхожденіе коменды, образованіе складочныхъ капиталовъ или *montes*—все это не затронуто авторомъ въ его изслѣдованіи, несмотря на то что эти юридическіе моменты средневѣковой жизни интересны и для насъ уже потому, что полное товарищество, товарищество на вѣрѣ и акціонерное внесены въ наше законодательство манифестомъ 1807 г. подъ несомнѣннымъ влияніемъ западно-европейскаго права.

Но это замѣчаніе, сдѣланное по поводу одного пробѣла, не подрываетъ значенія работы въ цѣломъ; ея солидныя качества не-

сомнѣнно заслуживаютъ одобренія. Вслѣдствіе чего я полагалъ бы, что сочиненіе съ девизомъ „Habent sua fata libelli“ вполне соответствуетъ той цѣли, въ виду которой оно представлено, и я просилъ бы юридическій факультетъ присудить автору премію имени Заруднаго.

Л. Кассо.

Отзывъ о сочиненіи на тему: „Историческій очеркъ всѣхъ русскихъ соборовъ въ періодъ зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха“, подъ девизомъ: „Homo sum“.

Сочиненіе подъ девизомъ: Homo sum, соответственно своему заглавію, представляетъ „историческій очеркъ всѣхъ русскихъ соборовъ въ періодъ зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха (стр. 3)“. На пространствѣ 180-ти страницъ in 4to авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о 38 соборахъ русской церкви въ хронологическомъ порядкѣ, погодно: въ такомъ-то году былъ такой-то соборъ, въ такомъ — такой-то. Вслѣдствіе этого сочиненіе автора въ общемъ носитъ лѣтописный характеръ. Отсюда проистекаютъ два существенныхъ недостатка сочиненія: во-первыхъ, отсутствіе надлежащаго прагматизма, требуемаго историческимъ очеркомъ соборовъ; во-вторыхъ, отсутствіе характеристики соборовъ съ точки зрѣнія юридической констукціи этого института. Въ видахъ справедливости слѣдуетъ, впрочемъ, принять въ соображеніе, что отрывочность и скудость нашихъ свѣдѣній о соборахъ разсматриваемаго періода должны были въ значительной степени затруднять рѣшеніе указанныхъ задачъ, отъ посильнаго разсмотрѣнія которыхъ авторъ все-таки не долженъ былъ уклоняться.

Въ концѣ хронологическаго обозрѣнія соборовъ въ заключеніе сочиненія (стр. 174—181), авторъ дѣлаетъ классификацію соборовъ, но эта классификація не можетъ замѣнить собою ихъ юридической характеристики. Онъ дѣлитъ всѣ соборы на церковные и церковно-земскіе, но рядомъ съ этими категоріями онъ совершенно неправильно въ особую категорію ставитъ разбирательство дѣла ростовскаго епископа Кирилла предъ княземъ Ярославомъ въ 1229 году. Этотъ судъ „на сонмѣ“ къ соборамъ причислить никоимъ образомъ нельзя ни по составу, ни по цѣли, ни по какимъ либо другимъ особенностямъ.

Не смотря на эти весьма существенные недостатки, разсматриваемая работа отличается также и немаловажными достоинствами. Во-первыхъ, авторъ почти вполне знакомъ съ литературою предмета, особенно много вниманія онъ удѣлитъ Макарію, Голубинскому и Малы-

шевскому. Во-вторыхъ, авторъ знакомъ и съ первоисточниками: онъ пользовался лѣтописями, актами историческими и юридическими и памятниками церковнаго права, изданными въ VI томѣ „Русской исторической бібліотеки“. Въ-третьихъ, авторъ особенно старался представить свой матеріалъ въ обработанномъ видѣ: факты онъ всюду подвергаетъ обсужденію, а мнѣнія ученыхъ посильной критикѣ. Въ-четвертыхъ, сочиненіе расположено съ соблюденіемъ особенной пропорціональности и соразмѣрности частей. Въ-пятыхъ, написано оно правильнымъ (за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями) языкомъ, ясно и толково. Наконецъ, въ-шестыхъ, слѣдуетъ поставить автору въ особенную заслугу то, что онъ работалъ совершенно самостоятельно, безо всякой посторонней помощи: самъ отыскивалъ литературныя пособія, самъ находилъ источники, самъ составлялъ планъ сочиненія и проч. По крайней мѣрѣ ко мнѣ лично не обращался ни одинъ студентъ за руководствомъ по поводу этой темы, а слѣдовательно, и авторъ разсматриваемаго сочиненія. Эта самостоятельность дѣлаетъ, по моему мнѣнію, особую честь автору.

Итакъ, если разсматриваемое сочиненіе имѣетъ серьезные недостатки въ научномъ отношеніи, оно представляетъ также и несомнѣнныя достоинства, какъ сочиненіе студенческое. Поэтому я просилъ бы факультетъ поощрить его автора присужденіемъ серебрянной медали, каковой онъ, по моему мнѣнію, вполне заслуживаетъ.

Ординарный профессоръ А. Остроумовъ.

Разборъ сочиненія по исторіи римскаго права на тему: „Организація Италіи, муниципій и провинцій во 2-й половинѣ республиканскаго періода“, для соисканія преміи имени А. И. Палюмбецкаго“, подъ девизомъ: „Feci quod potui“.

Содержаніе этого сочиненія приурочивается къ слѣдующимъ рубрикамъ: 1) Организація Италіи передъ Пуническою войной; 2) Первые провинціи; 3) Организація Италіи послѣ Ганнибаловскихъ войнъ; 4) Провинціи; 5) Италія до Суллы; 6) Провинціи времени анархіи и общій очеркъ; 7) Эпоха Суллы и муниципальный строй; 8) Муниципіи и провинціи при Ю. Цезарѣ.—Уже изъ сочетанія этихъ рубрикъ наглядно представляется, какія политическія событія и какіе дѣятели имѣли вліяніе на историческія судьбы двухъ замѣчательнѣйшихъ учреждений римскаго государственнаго права—муниципальныхъ городовъ и провинцій.—Параллельный порядокъ изложенія, принятый авторомъ, находитъ для себя объясненіе какъ въ ходѣ исторической эволюціи вышеуказан-

ныхъ институтовъ, такъ и въ солидарности, которая очень рано установилась между муниципіями и провинціями, этими соподчиненными, но важными ячейками римскаго государственнаго организма.—Здѣсь задержались остатки политической жизненной силы въ то время, когда стали разлагаться и близиться къ своему паденію коренныя учрежденія самаго Рима; здѣсь продолжалась еще экономическая дѣятельность, питавшая Римъ, въ то время когда дѣятельность эта атрофировалась въ центральныхъ пунктахъ всемірнаго государства. Въ тотъ самый моментъ, когда наступила смерть республики, обширныя провинціальныя территоріи были испещрены округами муниципій съ народными собраніями и куріями, съ выборнымъ началомъ, съ автономіею въ судебныхъ и въ хозяйственныхъ дѣлахъ.—Таковъ интересъ темы настоящаго сочиненія.—Въ отдѣлѣ: „Объ организаціи Италіи передъ пуническою войною“ авторъ высказываетъ нѣсколько обобщеній, и между ними—одно, которое говоритъ, что „организаціи Италіи была прямымъ слѣдствіемъ того взгляда, котораго держались древніе Римляне. Государство они не могли представить себѣ иначе, какъ въ видѣ города, *Urbs*“. Въ этомъ обобщеніи есть доля правды; но, къ сожалѣнію, авторъ не развиваетъ полнѣе и не подкрѣпляетъ доводами интересный фактъ зависимости внутренняго государственнаго строя и внѣшнихъ политическихъ отношеній отъ политическихъ идей и государственныхъ воззрѣній древняго Рима.

Затѣмъ все остальное содержаніе этого отдѣла посвящено замѣчаніямъ касательно разрядовъ государствъ, входившихъ въ составъ италійскаго союза, „Автономные города древне-италійскихъ союзовъ—дѣлаетъ свое заключеніе авторъ—послужили зачаткомъ для такъ называемыхъ муниципій“. Заканчивается отдѣлъ „Объ древней организаціи Италіи etc“ нѣсколькими замѣчаніями объ колоніяхъ—ихъ устройствѣ и назначеніи, причемъ однакоже не установлено исторической связи колоній съ муниципіями и не указано съ должною ясностію: играли-ль колоніи какую нибудь роль въ судьбахъ муниципій и, между прочимъ, въ распространеніи муниципальныхъ учреждений въ самыхъ отдаленныхъ территоріяхъ римскаго государства?—Въ отдѣлѣ „о провинціяхъ“ авторъ перечисляетъ самыя раннія изъ нихъ и вкратцѣ, но вѣрно изображаетъ административный строй этихъ учреждений. Историческое изложеніе автора главнымъ образомъ опирается на Моммзена и Вебера; та-же часть настоящаго отдѣла, которая посвящается замѣткамъ государственно—органическаго характера, обнаруживаетъ вліяніе извѣстныхъ писателей: Буше-Леклерка, Виллемса и Целлера.—Авторъ основательно приписываетъ главнымъ образомъ пресловутому принципу *Divide et*

Импрега римской политики тѣ различія, которыя не только допускались, но даже не рѣдко искусственнымъ путемъ устанавливались въ устройствѣ и управленіи какъ Италіи, такъ и заморскихъ провинцій. Указывая на автономію городовъ въ Сициліи, авторъ даже не ставитъ вопроса объ этомъ предметѣ ни въ Сардиніи, ни въ Корсикѣ, ни въ Испаніи. А между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ представляется возможнымъ даже на основаніи того, что говоритъ самъ авторъ. „Задача римской политики въ Испаніи, читаемъ мы на страницахъ сочиненія подѣ девизомъ *Feci quod potui*, заключалась въ образованіи особаго класса населенія, который бы имѣлъ интересъ въ поддержаніи римскаго владычества на полуостровѣ... Прежде существовали тутъ города;—колоніи Салунтъ, Гадесь, Терраконъ приняты были Римомъ въ союзъ, т. е. были поставлены на одномъ уровнѣ съ италійскими городами“. Ясно, что, при такомъ общемъ направленіи римской политики, надѣленіе испанскихъ городовъ муниципальными привилегіями является логическою необходимостью. Въ отдѣлѣ объ „организациі Италіи послѣ ганнибаловскихъ войнъ“ авторъ обращаетъ вниманіе на отношенія между Римомъ и италійскими союзниками. Авторъ вѣрно понимаетъ и ясно выражаетъ все громадное значеніе этого вопроса для Рима и все великое вліяніе его на правоспособность и организацию римскихъ городовъ и провинцій. И едва ли нужно распространяться о томъ, что надѣ политикою Рима въ этомъ вопросѣ авторъ можетъ повторить отрицательный приговоръ не только Моммзена, но и всѣхъ прочихъ историковъ Рима. „Возвышая себя и не поднимая съ собою, а принижая тѣхъ, въ комъ заключалась его главная сила, Римъ подрывалъ единство Италіи и вредилъ самому себѣ“.—Въ отдѣлѣ, специально посвященномъ вопросу о провинціяхъ, авторъ вѣрно передаетъ главные, относящіеся сюда факты. Но матеріалъ, касающійся любопытнаго вопроса объ административныхъ нравахъ провинціальныхъ намѣстниковъ, авторъ помѣстилъ лишь въ той главѣ, которую онъ написалъ послѣ отдѣла: „Италія до Суллы“, гдѣ излагается борьба италійцевъ за пріобрѣтеніе римскаго гражданства. Довольно внимательно отнесся авторъ къ вопросу, также волновавшему римско-италійскій міръ въ эпоху союзнической войны: мы разумѣемъ вопросъ о томъ ограниченіи, по силѣ котораго союзники распредѣлялись только по семи трибамъ изъ существующихъ 35. Очень содержательны, при сжатости изложенія, и хорошо написаны послѣдніе два отдѣла въ сочиненіи, т. е. эпохи Суллы и Ю. Цезаря.

На основаніи всего вышесказаннаго, я признаю сочиненіе подѣ девизомъ „*Feci quod potui*“ удовлетворительнымъ и достойнымъ награ-

ды. Читая источники и пособия, авторъ, очевидно, держался правила: „Non multa sed multum“; результатъ этого выразился въ большой продуманности работы и въ стройности ея, не смотря на чисто историческій характеръ сочиненія.

Профессоръ А. Н. Стояновъ.

Разборъ сочиненія по исторіи римскаго права на премію имени А. И. Палумбецкаго, на тему: „Организація Италіи, муниципій и провинцій въ 2-й половинѣ республиканскаго періода“.—II) Подъ девизомъ „Non ex quo vis ligno fit Mercurius“.

Содержаніе этой работы выразилось въ иной системѣ и съ приложеніемъ иного метода, чѣмъ система и методъ въ другомъ, рассмотрѣнномъ нами, сочиненіи подъ девизомъ: „Feci quod potui“. Если авторъ, скрывающійся подъ скромною надписью: „Feci quid potui“, выступаетъ передъ нами какъ сторонникъ сжатости и даже, кое-гдѣ, обнаруживаетъ скупость на факты—то авторъ другой работы любитъ устанавливать крупные отдѣлы и нисколько не скупится на подробности.—Далѣе, если методъ перваго подходитъ къ синхронистическому, то методъ втораго наклоненъ быть хронологическимъ, и притомъ исключительно—описательнымъ.—Объ „изслѣдованіи“ въ серіозномъ и научномъ смыслѣ этого слова не можетъ быть и рѣчи, хотя самъ юный авторъ нѣсколько разъ позволяетъ себѣ прилагать высокій эпитетъ „изслѣдованія“ къ ученическому труду своему.—Наконецъ, если авторъ перваго труда, видимо, тяготеетъ къ открытію порядка послѣдовательнаго развитія излагаемыхъ имъ фактовъ, то авторъ втораго труда болѣе всего заботится объ изображеніи установившагося Status quo, даже и тамъ, гдѣ стоитъ, по видимому, чисто-историческая рубрика: „Возникновеніе понятія муниципій“. Не касаясь—да и не имѣя возможности серьезно касаться—того понятія о муниципіи, какое считалось вѣрнымъ среди самихъ Римлянъ,—какъ гражданъ вообще, такъ и ученыхъ юристовъ въ особенности,—авторъ съ точностью переводитъ на русскій языкъ и передаетъ нѣсколько опредѣленій понятія „муниципій“ у новыхъ, западно-европейскихъ юристовъ, историковъ и государствовѣдовъ (Буше-Леклеръ, Виллемсъ, Паделетти). Самъ авторъ, повидимому, наиболѣе склоненъ понимать подъ муниципіею въ полномъ смыслѣ этого слова: „Городскую общину съ автономіею въ администраціи, законодательствѣ, судѣ, въ религіи, въ ея обрядахъ, причемъ жители такой муниципіи имѣютъ извѣстную долю участія въ функціяхъ и повинностяхъ гражданской жизни самаго

Рима".—Касаясь различных видовъ муниципій и желая опредѣлить понятіе и реальный строй городовъ, называемыхъ „Префектурами“, авторъ опирается на вѣское мнѣніе Марквардта. Слѣдуютъ за тѣмъ замѣчанія о характерѣ *внѣшнихъ* сношеній Рима (вставка, по моему мнѣнію, нарушающая единство въ изложеніи *внутреннихъ* отношеній Рима), о внутреннемъ управленіи муниципій, объ обязанностяхъ и повинностяхъ муниципій, а также объ отношеніяхъ ихъ къ Риму,—отношеніяхъ чрезвычайно—разнообразнаго характера. Съ этими замѣчаніями авторъ, далѣе, связываетъ анализъ того института, который назывался у Римлянъ *Jus Latii* и опредѣлялъ существомъ своимъ правоспособность муниципій нѣсколько особаго типа (т. е. латинскихъ).—И здѣсь, авторъ вѣрно передаетъ факты и мнѣнія; но въ тоже время, нѣсколько увлекается своею симпатіею къ подробностямъ,—однородное замѣчаніе можно сдѣлать относительно главы, посвященной вопросу о колоніяхъ: и здѣсь встрѣчаемъ мы много матеріала,—даже матеріала относительно обрядовой стороны въ жизни колоній;—но, къ сожалѣнію, и въ этомъ сочиненіи авторомъ упущена изъ виду историческая связь колоній съ муниципіями, такъ какъ были случаи (и особенно въ провинціяхъ), что колонія, теряя свое военное значеніе, пріобрѣтала важность торговую, административную и политическую, т. е. становилась *городомъ*, по большей части съ автономіею (т. е. изъ „колоніи“, какъ и изъ лагеря римскихъ легіоновъ, возникала „муниципія“).

Въ главѣ „Интенсивность эгоистической политики Рима“ идетъ извѣстный рассказъ объ „неправдѣ“ вѣчнаго города по отношенію къ союзникамъ и объ опасностяхъ возстанія италійцевъ для Рима. Главнымъ результатомъ всей этой политической борьбы и народныхъ страданій было то, что политическіе разсчеты и интересы вождей Рима привели къ расширенію предѣловъ муниципальнаго строя далѣе на сѣверъ. (Города транспаданскіе и циспаданскіе).—Реформы Цезаря и дальнѣйшее распространеніе муниципій даже за долину рѣки По и за Альпы, въ Галліи, представлены у автора—и основательно—какъ естественное продолженіе того политическаго движенія, которое получило сильный толчекъ отъ ударовъ союзнической войны и отъ дѣйствія законовъ Юлія и Папірія.—Дальнѣйшее объединеніе Рима въ его муниципіяхъ при Ю. Цезарѣ было однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ событій, очень выгодныхъ для героев близившагося переворота—паденія республики и возникновенія единодержавія въ формѣ цезаризма.—Къ сожалѣнію, авторъ, занявшись анализомъ *Legis Juliae Municipalis*, слишкомъ быстро прошелъ мимо этого интереснаго сочетанія причинъ и послѣдствій въ историческихъ событіяхъ.—Заключительныя слова его

въ отдѣлѣ о колоніяхъ и муниципіяхъ имѣютъ въ виду изобразить общій типъ муниципій, установившійся къ концу VII и къ началу VIII-го вѣка отъ основ. Рима. (См. текстъ сочин., стр. 30 и 31).—Вторая половина сочиненія посвящена вопросу о провинціяхъ.—Методологическій и логическій путь автора таковъ: отъ общаго понятія и отъ этимологіи слова „провинція“ изложеніе переходитъ къ реальнымъ, историческимъ видамъ и формамъ даннаго учрежденія,—касается, далѣе, тѣхъ нормъ, которыми опредѣлялась форма и сущность различныхъ видовъ провинцій,—предлагаетъ хронологическую таблицу возникновенія существовавшихъ, въ данномъ періодѣ, провинцій, обсуждаетъ и опредѣляетъ роль Сената въ управленіи провинцій, причемъ изображаетъ отрицательныя черты въ этомъ порядкѣ управленія.—Идя далѣе въ глубь и въ ширь сочиненія, мы увидимъ изображеніе судебной функціи правителей провинцій съ ихъ „Эдиктомъ“ (Edictum provinciale), очень похожимъ на эдиктъ преторскій. Изъ всего сказаннаго видно, что авторъ собралъ немалый матеріалъ въ пособіяхъ и источникахъ, и что работа его заслуживаетъ одобренія за свою обстоятельность.—Признавая удовлетворительнымъ сочиненіе подъ девизомъ „Non ex quovis fit ligno Mercurius“,—я полагаю, что это сочиненіе, такъ же какъ первое (подъ девизомъ: Feci quod potui), заслуживаетъ награды.

Проф. А. Н. Стояновъ.

IV. По медицинскому факультету.

Отзывъ о двухъ сочиненіяхъ на тему: „Фармакодинамика различныхъ средствъ, вліяющихъ на сократительность матки и условія кровообращенія въ ней“, подъ девизами: 1) *Tota res aenigma est* и 2) *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*.

Разсмотрѣвъ по порученію факультета два сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ 1) подъ девизомъ „Tota res aenigma est и т. д. и 2) подъ девизомъ *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*, представленныя для соисканія медалей, имѣю честь донести нижеслѣдующее: авторъ перваго сочиненія обнаруживаетъ въ немъ очень серьезное знакомство съ литературой изучаемаго имъ вопроса, при чемъ изложеніе этой части разсматриваемаго труда не оставляетъ желать ничего лучшаго. Изъ изложенія методики собственныхъ отчетовъ автора видно, что для своихъ экспериментовъ онъ воспользовался указаніями, и опытомъ всѣхъ предшествовавшихъ авторовъ и тѣмъ не менѣе выбралъ самый трудный и кропотливый графическій методъ, введя въ него нѣкоторые существенныя

улучшенія, рассчитывая на то, что при этомъ методѣ онъ получитъ наиболѣе цѣнные результаты. На этомъ основаніи данныя, полученные авторомъ, иллюстрированны многочисленными кривыми, заслуживаютъ полнаго вниманія, а выводы, сдѣланные имъ на основаніи многочисленныхъ и точно обставленныхъ опытовъ, а также нѣкоторыхъ клиническихъ наблюдений, несомнѣнно будутъ имѣть значеніе и для практичной медицины. Въ виду всего вышеизложеннаго, я нахожу, что сочиненіе подѣ девизомъ „Tota res aenigma est и т. д.“ безусловно заслуживаетъ награды золотой медалью.

Авторъ втораго сочиненія представилъ обширную и очень хорошо составленную монографію о спорыньѣ, въ особенности касаясь химическихъ изысканій дѣйствующихъ началъ, заключающихся въ *secale cornutum*. Въ описаніе автора вошли всѣ послѣднія работы, за исключеніемъ только работы Якоба, каковой авторъ и немогъ по условіямъ времени воспользоваться. Изложеніе вопроса о физиологіи и маточныхъ сокращеній у автора описано нѣсколько короче, чѣмъ у авторовъ двухъ другихъ сочиненій, представленныхъ съ той же цѣлью подѣ девизами „Quod potui feci и Tota res aenigma est и т. д.“, тѣмъ не менѣе изложеніе это отличается ясностью и обнаруживаетъ въ авторѣ полное знакомство съ литературой разсматриваемаго имъ вопроса.

Что касается собственныхъ опытовъ, то авторъ излагаетъ причины, по которымъ онъ немогъ воспользоваться методомъ графическимъ, но при этомъ приводитъ такую массу опытныхъ данныхъ на различныхъ животныхъ и при различныхъ условіяхъ со стороны опыта, что выводы его должны считаться совершенно точными, особенно принимая во вниманіе и то, что они встрѣчаютъ подтвержденіе и въ работахъ другихъ авторовъ, работавшихъ съ тѣмъ же веществомъ, но при другихъ условіяхъ. На основаніи сказаннаго, я считаю, что сочиненіе автора подѣ девизомъ „Felix qui potuit rerum cognoscere causas“ также заслуживаетъ награды золотой медалью.

Въ виду того, что мнѣ пришлось дать свое заключеніе о трехъ сочиненіяхъ, поданныхъ на одну и ту-же тему, причемъ авторы поданныхъ сочиненій, хотя занимались однимъ и тѣмъ же вопросомъ, но для своихъ экспериментовъ избрали различныя вещества и такимъ образомъ не только способствовали освѣщенію извѣстнаго вопроса съ физиологической точки зрѣнія, но и безусловно обогатили соприкасающуюся съ этимъ вопросомъ фармакологическую литературу, причемъ всѣ сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ имѣютъ приблизительно одинаковыя достоинства, я считаю своимъ долгомъ ходатайствовать предѣ факультетомъ о назначеніи всѣмъ авторамъ золотыхъ медалей; если же это окажется

невозможнымъ, то я ходатайствую о выдачѣ нѣкоторымъ авторамъ хотя бы дипломовъ на золотую медаль, располагая сочиненія ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. 1) *Tota res aenigma est* и т. д. 2) *Quod potui feci* и 3) *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*.

Профессоръ С. Поповъ.

Отзывъ о сочиненіи на тему: „Фармакодинамика различныхъ средствъ, влияющихъ на сократительность матки и условія кровообращенія въ ней“, подъ девизомъ: *Quod potui feci*.

Разсмотрѣвъ по порученію факультета сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ девизомъ „*Quod potui feci*“, представленное имъ для полученія медали, я нахожу, что авторъ съ большою добросовѣстностью отнесся къ выполненію принятой ими на себя задачи. Авторъ избралъ для своихъ наблюденій два средства: Одно совершенно новое стиптицинъ, фармакодинамическія свойства котораго были почти неизвѣстны, если не считать нѣсколькихъ указаній на его свойства вліять возбуждающимъ образомъ на сократительность матки; а другое гидрастинъ, уже давно примѣнявшійся въ медицинѣ, но вліяніе котораго на матку не было выяснено въ достаточной степени.

Въ виду новости перваго средства, авторъ съ большою подробностью изучалъ вліяніе его на организмъ холонокровныхъ, а также, убѣдясь въ его относительной безвредности для теплокровныхъ животныхъ, приступилъ къ изученію специфическаго вліянія его на сократительную способность матки.

Что касается втораго средства, гидрастина, то въ виду достаточности имѣющихся экспериментальныхъ данныхъ о вліяніи его на организмъ животнаго вообще, авторъ прямо приступаетъ къ изученію вліянія его на матку. Оба изслѣдованія автора дали цѣнные и положительныя данныя и обнаруживаютъ въ авторѣ достаточное знакомство съ методами и способами изслѣдованій. Кромѣ того авторъ съ большою подробностью и умѣніемъ изложилъ литературныя данныя о центрахъ маточныхъ сокращеній, доказавъ этимъ основательное знакомство съ разбираемымъ имъ вопросомъ. Только относительный упрекъ можно было бы сдѣлать автору за то, что онъ не изучилъ болѣе подробно дѣйствіе стиптицина на организмъ животнаго вообще, но упрекъ этотъ, повторяю, имѣетъ совершенно относительное значеніе, ибо такое изслѣдованіе не входило въ программу заданной факультетомъ темы.

Что касается до того, что авторъ въ своей работѣ не примѣнилъ графическаго метода изслѣдованія, съ которымъ онъ несомнѣнно знакомъ,

то съ объясненіями автора по этому поводу можно не соглашаться, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать ихъ заслуживающими полного вниманія и основанными на важныхъ научныхъ соображеніяхъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ высказать, что признаю представляемое сочиненіе *безусловно* заслуживающимъ золотой медали.

Проф. С. Поповъ.

Отзывъ о сочиненіи на тему: „Современное положеніе вопроса объ измѣненіяхъ центральной нервной системы при спинной сухоткѣ“, подъ девизомъ: „Знай работой да не трусь“.

Имѣю честь представить нижеслѣдующій отзывъ о студенческой работѣ подъ девизомъ: „Знай работой да не трусь“, посвященной патогенезу спинной сухотки:

Большое достоинство этой работы составляетъ хорошее знакомство автора съ литературою вопроса о патологоанатомическихъ измѣненіяхъ при *tabes dorsalis*. Но его личныя экспериментальныя изслѣдованія, направленные къ полученію измѣненій нервной системы при отравленіи животныхъ спорыньею, не могутъ быть признаны удачными: отчасти потому, что имъ не были примѣнены новѣйшіе методы при обработкѣ микроскопическихъ препаратовъ; каковъ напр. методъ *Nissl*'я; а главнымъ образомъ потому, что недостаточно ясно опредѣлено отношеніе экспериментовъ къ существующимъ теоріямъ о спинной сухоткѣ; а потому не выяснена цѣль, которую авторъ преслѣдовалъ.

Во всякомъ случаѣ со стороны автора затрачено много труда на изученіе литературы вопроса, при чемъ онъ обнаруживаетъ похвальное умѣнье должнаго выбора среди огромнаго литературнаго матеріала; а потому его работа, какъ ученическая попытка, посвященная трудному вопросу Невропатологіи, заслуживаетъ награжденія *серебрянною медалью*.

Профессоръ Я. Анфимовъ.

Рецензія на сочиненіе неизвѣстнаго автора на тему „прослѣдить вліяніе зѣирнаго наркоза на дѣятельность сердца и почек“, представленное въ медицинскій факультетъ подъ девизомъ: „Wo wären denn die Meere Wenn nicht zuerst der Tropfen wäre“.

Представленное на соисканіе награды подъ означеннымъ девизомъ сочиненіе неизвѣстнаго автора имѣетъ характеръ небольшой моногра-

фии, къ которой прибавлены собственныя наблюденія автора, и заключаетъ въ себѣ предисловіе, 6 главъ изложенія и заключеніе съ выводами.

Въ *предисловіи* авторъ говоритъ о значеніи 19 столѣтія въ жизни человѣчества вообще и въ особенности въ отношеніи развитія хирургіи и ея направленія, которое характеризуется особымъ стремленіемъ облагородить науку и сдѣлать ее гуманною чрезъ введеніе въ практику способовъ обеззараживанія и обезболиванія, т. е. антисептики и анестезіи.

Обозрѣвая исторію анестезирующаго метода, авторъ находитъ, однако, что это стремленіе замѣчается уже съ самаго начала существованія медицины; оно красною чертою проходитъ чрезъ всѣ періоды ея исторіи, причемъ, хотя исторія и даетъ рядъ примѣровъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи еще въ глубокой древности (китайцы, греки и друг.), тѣмъ не менѣе осуществленіе этой задачи выпало на долю нашему вѣку благодаря открытію ээира и хлороформа и изученію ихъ вліянія на организмъ.

Познакомивши читателя съ исторіей анестезіи, авторъ остальную часть своего предисловія посвящаетъ исторіи открытія этихъ двухъ средствъ.

Первая глава сочиненія трактуетъ объ исторіи введенія въ практику обоихъ этихъ средствъ и возникшей между ними борьбѣ въ первое же время ихъ употребленія у постели больныхъ; причину этой борьбы, не оконченной и въ наше время, авторъ видитъ въ недостаточномъ знакомствѣ даже современныхъ врачей съ фізіологическими свойствами названныхъ препаратовъ, особенно ээира, которому, какъ оказывается, приписываютъ свойства, далеко ему не принадлежащія.

Вторая глава знакомитъ читателя съ способами добыванія ээира и реакціями для его опредѣленія.

Третья глава цѣликомъ посвящена фізическимъ и химическимъ свойствамъ сѣрнаго ээира: опредѣленіе удѣльнаго вѣса, растворимость, способность вліять на различныя вещества и ткани, отношеніе его къ воздуху, электричеству, свѣту, явленіе горѣнія ээира и измѣняемость при различныхъ условіяхъ.

Четвертая глава: изслѣдованіе чистоты сѣрнаго ээира и умѣніе опредѣлять его качества, по мнѣнію автора, составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ дѣла при клиническомъ примѣненіи ээира, такъ какъ введеніе въ организмъ нечистаго препарата, особенно путемъ вдыханія, не только создаетъ рядъ опасныхъ для организма явленій, но и даетъ поводъ обвинять ээиръ въ тѣхъ вредныхъ вліяніяхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ онъ никогда не имѣлъ. Въ настоящей главѣ авторъ

обращаетъ особое вниманіе на различныя примѣсы къ ээиру и описываетъ цѣлый рядъ реакцій для ихъ открытія.

Пятая глава: физиологическое дѣйствіе сѣрнаго ээира. Въ виду того, что всѣ тѣла изъ ряда насыщенныхъ углеводовъ дѣйствуютъ на организмъ аналогично между собою и что эта аналогія оказывается особенно полною между хлороформомъ и ээиромъ, въ виду этихъ соображеній нельзя не признать справедливымъ положеніе автора, по которому онъ рѣшается разсматривать оба эти тѣла параллельно и въ связи другъ съ другомъ, что даетъ возможность недостатокъ свѣдѣній объ одномъ пополнять литературными данными, имѣющимися о другомъ веществѣ. Въ этой главѣ мы находимъ:

1-е, описаніе мѣстнаго дѣйствія ээира на ткани (мѣстная анестезія), которое авторъ сводитъ на быструю испаряемость ээира и отнятіе отъ тканей тепла.

2-е, вліяніе подкожнаго введенія ээира на ткани и организмъ, возбуждающее дѣйствіе на центры головного и спинного мозга, на сердце и другіе органы, побочное дѣйствіе ээира на пищеварительные органы и вліяніе его на секреторную ихъ дѣятельность, способы введенія и выдѣленія изъ организма ээира съ объясненіемъ разницы дѣйствія на мозговые центры, смотря по тому, какимъ путемъ онъ вводится въ организмъ и какимъ трактомъ шло его всасываніе и доставленіе къ нервной системѣ. Въ этой же главѣ авторъ касается вліянія ээира на печень и отношенія къ диабету и всасыванію азотистыхъ веществъ и жировъ (Лимановъ).

3-е, вліяніе ээира, введеннаго путемъ ингаляцій, на центральную и периферическую нервную системы. Здѣсь авторъ проводитъ сравнительную картину ээирнаго наркоза у человѣка и животныхъ во всѣ періоды анестезіи съ подробнымъ объясненіемъ замѣчаемыхъ во всѣ періоды наркоза явленій и измѣненій, находимыхъ въ изслѣдуемыхъ органахъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ именами слѣдующихъ авторовъ: Flourens, Gerdy, Roux, Pyorrry, Jobert, Renault, Sérret, Louget, Marcet, Boisson. Bertstein, Cl.—Bernard и другіе. Собственный выводъ неизвѣстнаго автора изъ этихъ литературныхъ свѣдѣній такой, что при анестезіи ээиромъ и хлороформомъ поражается не кровь, какъ полагали сравнительно еще недавно, а исключительно нервныя центры, и при этомъ на первыхъ порахъ головной мозгъ, откуда уже вліяніе его распространяется и на остальные отдѣлы нервной системы, въ томъ числѣ и на спинной мозгъ, который по отношенію къ головному мозгу въ дѣлѣ ээирнаго наркоза играетъ роль такой же периферіи, какъ и остальная нервная система. Это исключительное дѣйствіе ээира на головной мозгъ авторъ объ-

ясняетъ гипотезой Клодъ-Бернара, особымъ средствомъ анестезирующаго вещества къ ганглиознымъ клѣткамъ головного мозга.

4-е, *вліяніе эфирнаго наркоза на состояніе зрачковъ* авторъ описываетъ сравнительно съ таковымъ же вліяніемъ хлороформа и отмѣчаетъ разницу дѣйствія ихъ на этотъ органъ, которая оказывается болѣе выгодною при эфирномъ наркозѣ. Причину разницы этой, согласно мнѣнію приводимыхъ здѣсь авторовъ (Догель, Bodin, Coine, Cappeller, Rochlmann) онъ усматриваетъ въ меньшей устойчивости дѣйствія эфира на органы центральной нервной системы, а также и въ томъ, что эфирный наркозъ не дѣйствуетъ такъ глубоко, какъ хлороформъ.

5-е, *вліяніе эфирнаго наркоза на дыхательные центры* изучены авторомъ согласно изслѣдованіямъ Догеля, Holmgren'a, Knoll'я и друг. и онъ рассматриваетъ его какъ явленіе частью рефлекторное, частью въ связи съ вліяніемъ n. trigemini, laryngei superioris и n. olfactorii et vagi. Здѣсь авторъ сочиненія останавливается на явленіи, подмѣченномъ вышеуказанными авторами, что эфирный ингаляціонный методъ анестезіи менѣе угнетаетъ дыхательные центры, чѣмъ хлороформенный, что, какъ извѣстно, въ свое время было опровергаемо спеціальной англійской ученой комиссіей, назначенной правительствомъ для разслѣдованія этого вопроса; въ концѣ главы авторъ занимается вопросомъ о сравнительной ядовитости эфира, какъ газа, и газообмѣнѣ въ легкихъ при эфирномъ наркозѣ.

6-е, *вліяніе эфирнаго наркоза на мышечную ткань* авторъ рассматриваетъ съ точки зрѣнія наблюденій Garre, Ranke, Coze и др. и говорить о болѣе медленномъ ихъ окоченѣніи, что происходитъ отъ болѣе медленнаго свертыванія въ нихъ міозина; въ этой главѣ авторъ особенное вниманіе удѣляетъ вліянію этеризаціи на беременную матку, что, какъ извѣстно, представляетъ большой практическій интересъ, особенно въ связи съ теченіемъ родоваго процесса подъ вліяніемъ эфирнаго наркоза, о чемъ также говоритъ авторъ.

7-е, *вліяніе эфирнаго наркоза на температуру тѣла* прослѣжено авторомъ на основаніи опытовъ Aurvad'a, Gaubert'a, Calpe и Kappeller'a при чемъ оказывается, что оба эти средства вліяютъ на температуру нѣсколько различно.

8-е, *вліяніе эфирнаго наркоза на кровь*. На этомъ вопросѣ авторъ останавливается нѣсколько долѣе; такъ какъ въ этомъ отношеніи взгляды въ наукѣ мѣнялись неоднократно и въ послѣднее время совершенно преобразились, здѣсь приводятся слѣдующіе имена: Gorup-Besanez, Funke, Amussat, Cosper, Weber, Schmiedeberg, Bötcher, Witte, Hüter, Moe-Quillan, Rossbach, Соколовскій и др.

9-е, *мнѣніе*, существующее въ наукѣ, о томъ, что эфиръ и хлороформъ дѣйствуютъ совершенно различно *на сердце*, заставило автора обратить на это особенное вниманіе и разработать его съ разныхъ сторонъ на основаніи имѣющихся въ литературѣ свѣдѣній. Приводи авторовъ: Vierordt, Schnelson, Bowditsch, Minot, Knoll, Kappeller, Butter, Holz, Guret, Wachholz, Arlaing Garre, Капланъ, Kreis, Morgan, Bruns, Kórté, Heusler, Бобровъ, Левшинъ, Бекманъ, Лезинъ, Добронравовъ, Виноградовъ и др. и сопоставляя ихъ мнѣнія, авторъ сочиненія заключаетъ, что въ то время, какъ для хлороформа нужно признать доказаннымъ *угнетающее* вліяніе на сердце, для эфира нужно считать доказаннымъ обратное вліяніе—*возбуждающее*, которое выражается тѣмъ сильнѣе, къ тому же, чѣмъ угнетѣннѣе оно было до начала этеризаціи.

10-е, *вліяніе эфирнаго наркоза на дѣятельность почекъ* стали изучать сравнительно недавно и потому въ прежней литературѣ можно найти лишь немного полезныхъ въ этомъ отношеніи указаній, а потому авторъ сочиненія выводы свои основываетъ на немногихъ самыхъ новѣйшихъ авторовъ (Roux, Butter, Wunderlich, Fetter, Long), изъ которыхъ онъ выводитъ, что этеризація дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ вызывать альбуминурію и заболѣваніе почечной ткани, но при болѣе строгомъ изученіи этого вопроса оказывается, что это бываетъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда уже и раньше существовали признаки пораженія почекъ; самъ же по себѣ эфиръ, даже при продолжительномъ и повторномъ его примѣненіи (какъ показали и собственныя наблюденія автора представленнаго сочиненія), никогда не производитъ подобныхъ явленій при здоровыхъ органахъ.

Шестая глава сочиненія неизвѣстнаго автора посвящена изложенію собственныхъ изслѣдованій надъ вопросомъ о вліяніи эфирнаго наркоза на дѣятельность сердца и почекъ, она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ:

а) *Опыты надъ животными*, преимущественно надъ собаками.

Авторъ предварительно описываетъ обстановку своихъ опытовъ, способъ анестезіи, качество эфира, способъ собиранія мочи, реакціи, употреблявшіяся при открытіи бѣлка, ацетона, сахара и другихъ аномальныхъ составныхъ частей мочи при опытахъ, и прочія детали, изъ которыхъ мы имѣемъ возможность усмотрѣть, что постановка опытовъ автора въ общемъ была правильная и могущая дать результаты.

Всѣхъ собакъ, надъ которыми производились опыты автора, поименовано 10, но нѣкоторые изъ нихъ подвергались повторной этеризаціи по 2 и болѣе разъ. Длительность наркоза колебалась въ предѣлахъ отъ нѣсколькихъ минутъ и до 2 часовъ, промежутки между сеансами этеризаціи въ случаяхъ повторной анестезіи простирались обыкновенно

до 3 дней, вскрытіе животныхъ послѣ смерти производилось обыкновенно непосредственно послѣ прекращенія пульса, при чемъ органы, полученные тотъ же часъ, подвергались изслѣдованію въ свѣжемъ состояніи, а второе изслѣдованіе и болѣе подробное производилось послѣ отвердѣнія ихъ въ жидкости, на срѣзахъ въ микротомѣ послѣ соотвѣтственной окраски и обработки. Эта сторона работы неизвѣстнаго автора представляется достаточно правильно обставленной, описана съ достаточной полнотой, дающей возможность слѣдить за ея выполненіемъ, а потому позволительно и здѣсь высказать благопріятное для автора мнѣніе.

Всѣхъ случаевъ эириаго наркоза у животныхъ описано у автора 16, всѣ они раздѣлены на группы и для каждой группы опытовъ представленъ подробный протоколъ хода наблюденія. Въ первой группѣ излагаются опыты повторной наркотизаціи эириомъ, во второй однократная продолжительная наркотизація, въ третьей повторныя и кратковременныя этеризаціи съ короткими промежутками.

б) *Клиническія наблюденія* представляютъ наиболѣе слабую часть работы неизвѣстнаго автора, такъ какъ представленные 10 случаевъ эириаго наркоза во первыхъ слишкомъ ничтожная цифра для того, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать какія нибудь заключенія, а во вторыхъ и самое описаніе ихъ недостаточно полно, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе все вышесказанное и значительность труда, понесеннаго авторомъ при собираніи и обработкѣ довольно обширнаго матеріала, и умѣлое и правильное имъ пользованіе, а также и несомнѣнные достоинства экспериментальнаго отдѣла его работы, я считаю долгомъ своимъ рекомендовать факультету наградить неизвѣстнаго автора работы, подъ девизомъ „Wo wären denn die Meere, wenn nicht zuerst der Tropfen wäre“—золотою медалью.

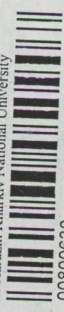
Профессоръ А. Подрезъ.

Харьковъ. Типографія и Литографія Зильбербергъ. Рыбная—30.

Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Харьковскаго Университета“ за 1897 г., кн. 2-я.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00800630 7